

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2542-1271

№5(70)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

МОСКВА, 2023

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам LXX международной
научно-практической конференции*

№ 5 (70)
Июнь 2023 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2023

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

Н34

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва;

Монастырская Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент, кафедра «Иностранные языки», Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, Россия, г. Кемерово.

Н34 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология:
сб. ст. по материалам LXX междунар. науч.-практ. конф. – № 5 (70). – М.: Изд. «МЦНО», 2023. – 84 с.

ISSN 2542-1271

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2023

Оглавление	
Раздел 1. Искусствоведение	5
1.1. Изобразительное и декоративноприкладное искусство и архитектура	5
МАЛЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ – ОТ ТРАДИЦИИ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ВОЗМОЖНОСТЯМ Алиева Рена Интизар кызы	5
Раздел 2. Культурология	18
2.1. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	18
ОКОННАЯ ФУРНИТУРА КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В СТРОГАНОВСКОМ ДВОРЦЕ Несветайло Татьяна Николаевна	18
2.2. Теория и история культуры	27
БРАК В ИСЛАМЕ Сахибуллин Рустем Наилевич Зиннатуллина Камилла Данилевна	27
Раздел 3. Литературоведение	32
3.1. Русская литература	32
ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В РОМАНАХ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И.С. ТУРГЕНЕВА Др. Аят Юсуф Салех	32
Раздел 4. Языкознание	48
4.1. Германские языки	48
КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л. МОРИАТИ «ЧТО ЗАБЫЛА АЛИСА» Насонова Мария Олеговна	48

4.2. Русский язык	55
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КАК ОБРАЗЕЦ ГЛАГОЛЫ БРАТЬ, ПИСАТЬ Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур	55
ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ Драйсави Хуссейн кадим маджди	63
4.3. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	72
О ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ И ПОНЯТИЯ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА Мусави Самира Эльчин кызы	72
4.4. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	77
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОСЛОВИЦ Байрамова Ульвия Юсиф кызы	77

РАЗДЕЛ 1.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

1.1. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНОПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

МАЛЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ – ОТ ТРАДИЦИИ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ВОЗМОЖНОСТЯМ

Алиева Рена Интизар кызы

*канд. искусствоведения, доцент,
Российский Государственный художественно-
промышленный университет
имени С.Г. Строганова – РГХПУ
им. С.Г. Строганова,
РФ, г. Москва*

SMALL ARCHITECTURAL FORMS – FROM TRADITION TO NEW TECHNOLOGICAL POSSIBILITIES

Rena Alieva

*Candidate of Art History, department
Russian State Artistic and Industrial University
named after S.G. Stroganov – RGHPU,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье проанализированы новейшие технологии при создании малых архитектурных форм (МАФ) и их роль в формировании и оптимизации городских пространств. Рассмотрены современные материалы, формирующие функциональные, технические и эстетические свойства малых форм.

Abstract. The article analyzes the latest technologies in the creation of small architectural forms (SAF) and their role in the formation and opti-

mization of urban spaces. Modern materials that form the functional, technical and aesthetic properties of small forms are considered.

Ключевые слова: малые архитектурные формы; среда; новейшие технологии; материал; бетон; дерево; металл; стекло.

Keywords: small architectural forms; environment; latest technologies; material; concrete; wood; metal; glass.

В числе объектов, наполняющих современное городское пространство, выполняющих ориентационные, информационные, средообразующие и иные функции, все активнее проявляется роль малых архитектурных форм, которые служат созданию комфортных условий в городских публичных пространствах.

Малые архитектурные формы (МАФ) – элементы наполнения среды, имеющие ярко выраженное «архитектурное» происхождение (играющие роль в организации пространства, обладающие собственным пространственным содержанием, возникшие в результате архитектурной деятельности по формированию открытых пространств [5, с.112].

Важной опорой в поисках пластического языка малых архитектурных форм является традиционное отношение к материалу. «Их дизайн в современных условиях традиционного ремесленного подхода развивает создание нового предметного мира, что сближает итальянских, финских и японских дизайнеров. Есть один неписанный закон, применимый ко всем материалам, даже к тем, которые мы склонны отвергать, – утверждает Т. Виркала. – Дизайнер не должен никогда проявлять насилие относительно того материала, с которым он работает, правильнее будет искать гармонии с ним» [7, с.12].

В настоящее время малые архитектурные формы располагают огромной палитрой материалов – натуральных и синтетических, – которые дают возможность конструировать и создавать поверхности различного характера. Благодаря современным материалам и технологиям малые формы являют собой целостные выразительные композиции. Материалы изначально определяют характер создаваемой формы, позволяют показать физическое присутствие, осязаемость ее оболочки, ее тактильность, чем закрепляется ощущение стабильности, защищенности и долговечности.

Научно-техническая эволюция обусловила расширение дизайнерской сферы на пути к дальнейшему совершенствованию второй среды человеческого бытия – предметного окружения. Немалую роль в восприятии окружающей нас действительности играет эстетика как весьма существенная категория художественного произведения. В данном

контексте эстетическое начало посредством мысли автора трансформируется в художественный образ, который становится идейным фундаментом будущего проекта. Главенство образного начала в проектировании – специфика средового дизайна, образ – главное связующее звено в отношениях «человек – среда» и «человек – жилище».

Городской житель мыслит образами, подсказываемыми красотой материала, его осязаемой поверхностью. Привычные для нас материалы, обычно применяемые в малых архитектурных формах (дерево, металл, натуральный камень, с помощью которых дизайнеры воплощали свои идеи, доказавшие жизнестойкость и эстетическую привлекательность в эпоху модернизации), сменяют материалы новые (стекло и фибростекло, архитектурный бетон и фибробетон, стеклофибробетон и многие другие, претендующие на визуальную стабильность и материализацию). Заораживает не только художественная сторона этих материалов, но и сама история их воплощения: ведь они олицетворяют процесс реализации, то есть компромисс между проектной идеей и реальностью.

В XXI веке технологические возможности создания малых форм значительно расширились, что повлияло на работу с материалами. Работа дизайнеров претерпела существенные изменения: теперь используются модульные деревянные и металлические элементы, бионические и геометричные формы, вторсырье, тектоничные формы из натурального камня и архитектурного бетона, прозрачные – из стекла и цветного стекла.

Создатели малых архитектурных форм вышли за пределы чистого функционализма в результате отбора материалов и работы с их физической и смысловой составляющей (т.е. не только с абстрактными свойствами цвета, фактуры, плотности и др., но и с различной архитектурной семантикой: происхождением и технологическим развитием), пытаясь создать своего рода эквивалент художественного языка. Скомбинированность материалов вовлекает горожан в некую игру с пространством, провоцирующую различные ассоциации.

Современная индустрия способствует реализации сложнейших проектов, в которых дизайнеры демонстрируют возможности новых технологий и материалов. К примеру, отечественные и зарубежные компании предпочитают сейчас новую концепцию городской мебели в открытых пространствах – из высококачественного бетона. Его универсальность дает небывалые возможности для экспериментов с формами. Это и линии цветочных ящиков, и велопарковки, и скамьи, и вазоны, и ограждения, соответствующие архитектурному контексту города и вызывающие подлинно эстетические переживания.

Многие международные компании используют сегодня декоративный, штампованный, окрашенный сверхлегкий бетон (чрезвычайно

пластичный, он плотно заполняет мелкие пустоты, что позволяет получать сложные формы). Популярен бетон в сочетании портландцемента с компонентами натурального мраморного и гранитного щебня, а также окрашенный бетон с использованием полиуретановых акриловых красок. Технология получения различных текстур – гордость современных производств. Объекты отличаются инновационным дизайном, плодом исследований команды на предприятиях и сотрудничества с ведущими иностранными специалистами. (рис. 1)

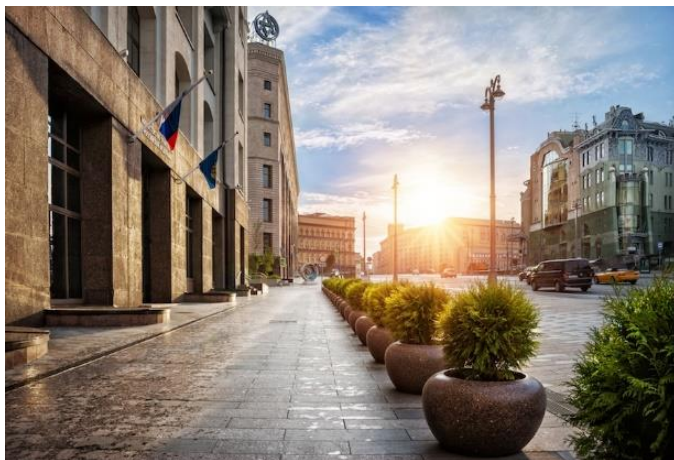

Рисунок 1. Вазоны на Театральной площади. Дизайн: «АрБет». Москва, Россия

Российские природные ресурсы предлагают широкую палитру природных материалов для изготовления МАФов; сформированные из них объекты станут новым шагом в истории городского дизайна. Осваивая новейшие технологии, компании разрабатывают 3D-модели, генерируют конструкции с использованием системы исполнительных механизмов, гарантирующие высокие стандарты качества и позволяющие разрабатывать чрезвычайно сложные формы.

В научной работе «Дизайн и экология культуры» К.А. Кондратьева анализирует пути становления и принципы формирования культурно-экологического подхода в этой сфере. «Создание в рамках проектной идеологии определенных условий и форм сохранения ремесленных и кустарных промыслов составляет существенную особенность культурно-экологически ориентированного дизайна <...> Статус ремесел как источника инновационных идей является в общей направленности опре-

деляющим. К этому следует добавить определенный экологический опыт, содержащийся в традиционных ремеслах и культуре, имеющих многовековой опыт существования в тесном контакте с природой» [3, с. 12].

Экологичность является концептуальной чертой дизайна Голландии. Экология и разумное потребление – на этом держится мировоззрение ее жителей. И голландские дизайнеры предлагают миру способы решения подобных проблем. Например, расширяя область применения одного из старейших изобретений – веревки, – студия AIS создала простой, но универсальный объект – мобильное сиденье для отдыха в городской среде. «ВЕРЕВКА 6М» – это автономная версия 60-метровой дорожной веревки, социального произведения искусства, которое порождает взаимодействие и визуальный контакт между людьми, где бы они ни находились. (рис. 2)

Рисунок 2. ВЕРЕВКА 6М. Дизайн: студия AIS, Голландия

Исторически сложилось, что развитие традиционных ремесел в различных регионах мира свидетельствует о бесконечном разнообразии методов и способов обработки местных природных материалов. Однако все это разнообразие объединяет глубокое познание мастером того материала, из которого он создает предметно-пространственную среду. Это устойчивый характерный признак традиционного народного творчества. «Долгая культура ручного труда в области обработки дерева делала мастера знатоком обрабатываемого материала», – пишет Н.Н. Воронин о ремесленниках русского Севера. Неразрывная связь с материалом и техникой его обработки культивировала уважение и интерес к материалу, приучала считать его одним из существенных элементов художественного произведения. «Эта “живая связь” всегда предохраняет народного мастера от нездоровых творческих уклонений вопреки материалу, во-

преки технике, всегда ведущих искусство к творческой немощи, к художественному пустоцвету» [1, с. 44-46].

На Руси дерево считалось обширной и своеобразной летописью. Древнерусское искусство Севера узнаваемо по его формально-художественному содержанию и по наиболее полно сохранившимся древним традициям. Глубокое знание материала и его свойств способствовало формированию устойчивых конструктивных приемов. В этом можно убедиться, посетив Государственный музей деревянного зодчества и народного искусства северных районов России «Малые Корелы» и государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи». Мастера Севера с разумной щедростью обращались с местными материалами, «и, наверное, поэтому и на глухих таежных озерах, и на лесных тропах и дорогах, и здесь, на самих Кижах, до сих пор живет большое, глубокое и точное понятие красоты» [2, с.11].

В области конструирования на Севере ценились и широко использовались природные, естественные соединения в дереве: стволы, сучья и корни, образующие разнообразные узловые соединения естественного свойства, в частности особенности строения ели, дающей много соединений под прямым углом. Эти природные качества дерева получили широкое применение в изготовлении изгородей, ворот и колодцев. Простейшие скамеечки – «суковатки» – делались из расколотых пополам стволов ели с оставленными обрубками сучьев в качестве ножек. Ветви, пучком расходящиеся от ствола, служили устойчивой опорой из трех или нескольких сросшихся ног – на таких «паучках» укрепляли сиденья табуреток. В деревенском быту до сих пор применяются различные крюки, подвесы, вешалки из развилок [6, с.103].

Глубокое понимание материала привело в практическом мастерстве к большой изобретательности, к разрешению остроумных конструктивных узлов, к нахождению цельных монолитных форм разной сложности. Накопление навыков и умения конструировать происходило в прямой связи с характером материала и техникой его обработки [см. 1, с. 306].

За последние десятилетия отношение к открытым пространствам городской среды и к их проектированию существенно изменилось. Во многих городах Европы и новые улицы, площади и парки возникают на местах старых, пришедших в упадок и утративших свою первоначальную функцию пространств, а также на перепрофилируемых территориях пустующих промышленных и портовых комплексов. Чтобы новые пространства органично влились в ткань города и наполнились жизнью, архитекторам приходится учитывать и продумывать множество факторов городского планирования, в том числе и малые архитектурные формы.

Современное общественное пространство создается по принципу «гезамткунстверка» – в нем важно все, вплоть до мелочей. И если при проектировании зданий этот подход традиционно подразумевал соединение архитектуры с пластическими искусствами, то в создании городской среды участвует не только ландшафтный дизайн, но и многие современные виды искусства: видео, электронные медиа, перформанс и театр. Примером здесь может служить парк «Зарядье» в Москве, реализованный архитектурным бюро Диллер Скофидио и Ренфро.

Архитектурная особенность парка «Зарядье» – концертный зал с амфитеатром, покрытый куполом, так называемой «стеклянной корой»; зрительские места облицованы деревом, благодаря чему амфитеатр вписывается в ландшафт. То же можно сказать о некоторых скамейках в самом парке: они изготовлены из дуба и повторяют изгибы тропинок.

Малые архитектурные формы из древесины нашли широкое применение и в других открытых пространствах Москвы. Например, проекты бюро WOWHAUS: «Городская ферма» на ВДНХ, «Красногвардейские пруды», «Шелепихинская набережная» и многие др. Данные пространства, выросшие из точного социально-демографического портрета района и запросов горожан, служат яркими примерами сотрудничества с профильными специалистами по части новейших технологий и материалов. (рис.3)

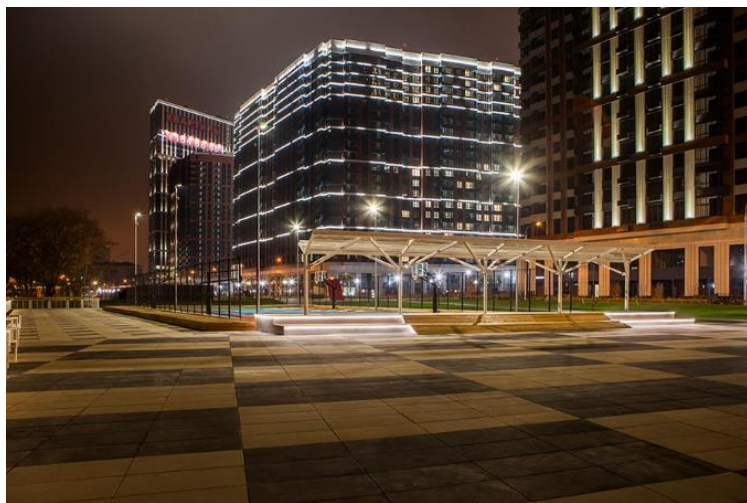

Рисунок 3. Благоустройство Шелепихинской набережной. Дизайн: бюро WOWHAUS. Москва, Россия

Городская мебель способна консолидировать пространства между архитектурными объектами. Поскольку сегодня одной из наиболее важных задач для индустриализации является сокращение потребления энергии, 50% металлических материалов получают в результате выплавки металлолома. Повторное использование металла предоставляет неограниченные возможности в проектировании малых архитектурных форм, а системы программного обеспечения для цифровых расчетов и числового управления позволяют оптимизировать и реализовать практически все формы с металлическими элементами.

Металлические конструкции предполагают легкость и скорость возведения. Связь между производством металла и малыми формами особенно проявилась в XXI веке. Металлические конструкции способны ускорить производство малых архитектурных форм и обеспечить реализацию формальных и пространственных возможностей городской среды. В сочетании с другими материалами они способствуют формированию оригинального художественного образа. В производстве МАФов участвует много видов металла, в разной степени обладающих такими свойствами, как ковкость, способность к перфорации или текстурированию. Методы цифрового изготовления также существенно расширили сферу применения металла в малых формах.

Возможность повторного использования материалов, обратимость и трансформация городских пространств способствуют оживлению архитектурных объектов, мотивируют к участию в их непрерывной эволюции. Реконфигурируемое архитектурное пространство помещает архитекторов, дизайнеров и их инструменты в новую проектную реальность. В настоящее время системы программного обеспечения для цифровых расчетов и числового управления позволяют реализовать практически все формы и поверхности с металлическими элементами, оптимизировать процессы изготовления и создать еще более обширный формально выразительный репертуар. Однако это обстоятельство имеет оборотную сторону: технологические новшества приводят к созданию произвольных форм и абсурдных структур, к банальному использованию выразительных возможностей металла. Как ни парадоксально, увлечение конструированием все более сложных форм способствовало увеличению разрыва между пространством, которое можно вообразить, и пространством, которое можно эффективно построить.

Следовательно, требуется применение более сложных технологий изготовления по сравнению с методом традиционного ручного ремесла. В разрешении этого противоречия между различными формами производства малая архитектура играет решающую роль. Она способна консолидировать возможности новых технологий с возможностями традици-

онных ремесел. Ярким примером служат малые формы в благоустройстве Запрудского парка в городе Коломна Московской области. (рис. 4)

***Рисунок 4. Благоустройство Запрудского парка. Компания АТТЕС.
Коломна, Московская область***

Малые архитектурные формы с применением стекла отлично расставляют средовые акценты. «Именно стекло занимает особое место в развитии многих появившихся в последние десятилетия технических инноваций, наделяя их множеством новых качеств. Новые виды стекла сыграли важную роль в некоторых наиболее интересных экспериментах в области цвета...» [4, с. 208].

В настоящее время малые архитектурные формы в городской среде изготавливают с применением флоат-стекла, стекла закаленного или армированного, гнutoго, отражающего, самоочищающегося, огнестойкого или противопожарного, цветного. Например, сочетание цветного стекла, дерева и металла делает уникальным такой объект, как пешеходный мост Педро и Инес через реку Мондего в Португалии, спроектированный дизайнером Сесилом Балмондом. (рис. 5)

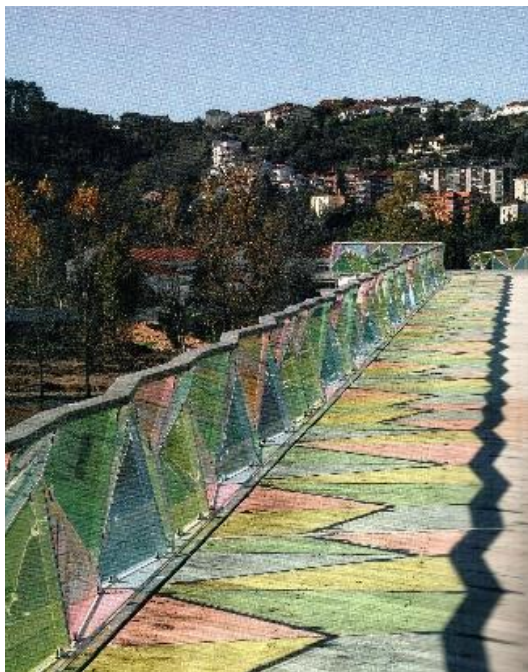

Рисунок 5. Пешеходный мост Педро и Инес через реку Мондего. Дизайн: С. Балмонд. Коимбра, Португалия

Таким образом, стекло стремительно входит в число наиболее используемого материала в творчестве архитекторов и дизайнеров. Оно привносит инновационный характер в городское пространство и адресовано широкому кругу жителей. Небольшие дизайнерские объекты с использованием эффектов стекла создают новое качество среды.

Голландский дизайнер Йолан ван дер Виль создал наполненную водой конструкцию из десятков труб, в которых хранятся и циркулируют дождевые капли. Этот объект является частью его коллекции мебели Tropic City, которая была разработана с учетом проблем тропического климата. Ван дер Виль приспособил скамейку к экстремальным условиям, особенно к местам, которые страдают в периоды засухи. Водяной стенд захватывает воду в плексигласовые трубки, чтобы она не испарялась. «Вам нужно создать возможность для хранения воды, когда идут проливные дожди, и ее высвобождения, когда это необходимо. Так почему бы не включить эту идею в нашу среду обитания визуальным привлекательным способом? Используя давление воздуха, я создал

динамическую поверхность, которая напоминает мне естественную циркуляцию сока», – отмечает дизайнер [8]. (рис.6)

Рисунок 6. Скамья из коллекции Tropic City. Дизайн: Йолан ван дер Виль и Benthem Crowwel Architects. Амстердам, Голландия. 2017

Развитие технологий всегда влияло на строительную сферу, формируя потенциал для реализации все более сложных проектов. Но если на протяжении многих веков это усложнение шло преимущественно по пути наращивания объектов городской среды и экспериментов с их формой, то скачок в сфере цифрового искусства (дигитал-арт) и медиа создал предпосылки для кардинального переосмысления физической оболочки формы и ее внутренней структуры, а также нашего восприятия открытых пространств.

Исследования в области урбанистики и создания комфортного пространства для жизни в городах привели компанию «Айра» к созданию инновационного материала – оптического ударопрочного полимера SELIN® (Селин), который активно применяется для производства световых систем с интеллектуальным управлением. Световые блоки вдохновляют на новые креативные решения для современных мегаполисов и делают привычные объекты многофункциональными и удобными.

Этот уникальный материал имеет выдающиеся эксплуатационные характеристики. В основе полимера SELIN – управляемое текстолитовое плато, которому можно придать любой цвет, сделать его прозрачным, матовым, молочным. Благодаря своим оптическим свойствам, материал увеличивает световой поток, что позволяет добиться яркого

свечения в любое время года, даже из-под слоя снега: поверхность SELIN устойчива к атмосферным осадкам.

Селин используется для маркерной подсветки тротуаров и бордюров, для развивающих детских видео-площадок, напольных светофоров, в прожекторах для деревьев, в управляемой подсветке велодорожек Smart Track. Фирма «Айра» большое внимание уделяет безопасности и удобству городской среды: световые управляемые бордюры и блоки помогают всем участникам дорожного движения в навигации по улицам. Причем монолитные модули могут быть отдельно стоящими или встраиваться в обычные каменные бордюры или тротуарную плитку.

Одна из особенностей световых бордюров – их управляемость и возможность работы по заданному алгоритму. Например, с помощью таких бордюров водители могут ориентироваться на дорогах, а заданная скорость световой волны наглядно покажет им, с какой скоростью они должны двигаться, не нарушая правил дорожного движения и не затрудняя перемещения других автомобилистов. В «умных» велодорожках блоки из SELIN создают полноценную систему навигации: обозначают границы дорожки, направление движения, пешеходные переходы. Световые блоки используются и на самих пешеходных переходах как регулируемых, так и нерегулируемых. Это еще один передовой проект компании – «Светофор под ногами». По статистике, собранной в разных городах, количество ДТП на участках дороги, оснащенной светофорами, снизилось до нуля [8]. (рис.7)

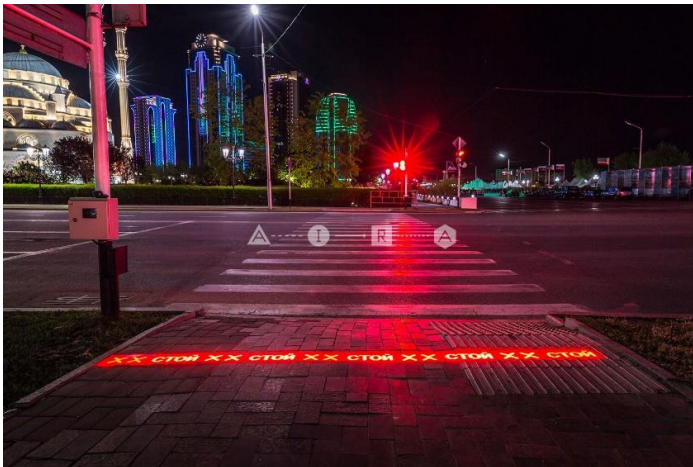

Рисунок 7. Световые блоки SELIN (Селин). Дизайн: компания «Айра»

В заключении можно сделать вывод, что малые архитектурные формы с применением новейших технологий и современных материалов составляют необходимое материальное окружение городских жителей в соответствии с их устремлениями и эстетическими воззрениями: функциональные (назначение, польза), технические (прочность, долговечность) и эстетические (красота) свойства, а также решают художественно-образные задачи, т.е. в художественных образах выражают представления человека о его месте в окружающем мире, пространстве и времени.

Список литературы:

1. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. – 584 с.: ил.
2. Кижичи «Не было, нет и не будет такой». Мастер Нестор : альбом / худож. Д. Плаксин ; сост. А. Онегов. – Ленинград : Аврора, 1970. – 62 с.
3. Кондратьева К.А. Дизайн и экология культуры. Научное издание. Редакционно-издательская группа МГХПУ им. Строганова. Лицензия № ЛР № 020739 от 01 марта 1993 г. Москва, МГХПУ. – 107 с.
4. Кон Д. Подобно яркому птичьему оперению //SPEECH: цвет/color. 2010.№ 6.
5. Минервин Г.Б. и др. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник. Архитектура-С. – М., 2004. – 288 с., ил.
6. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура русского Севера. – М., 1974. – 192 с.
7. Koli T. Kaj Franck-Hannu Kahonen // Form Function Finland. 1982. № 3. P.10.
8. Айра. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aira.ru> (дата обращения: 28.05.2023).
9. Топ-10 интересных примеров городской мебели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://architime.ru/specarch.htm>. (дата обращения: 29.05.2023).

РАЗДЕЛ 2.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

2.1. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

ОКОННАЯ ФУРНИТУРА КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В СТРОГАНОВСКОМ ДВОРЦЕ

Несветайло Татьяна Николаевна

*старший научный сотрудник,
Государственный Русский музей,
РФ, Санкт-Петербург*

WINDOW FITTINGS OF THE LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE STROGANOV PALACE

Tatiana Nesvetailo

*Senior Research Fellow,
State Russian museum,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье приводятся результаты обследования оконной фурнитуры Строгановского дворца, сохранившейся в интерьерах разного времени.

Abstract. The article presents the results of a survey of the window fittings of the Stroganov Palace, preserved in the interiors of different times.

Ключевые слова: реставрация памятников архитектуры; дворцы Санкт-Петербурга; история строительства и реставрации Строгановского дворца.

Keywords: restoration of architectural monuments; palaces of St. Petersburg; the Stroganov Palace construction and restoration history.

Оконные приборы являются важной функциональной деталью любого интерьера. В дворцовом парадном интерьере они несут кроме функциональной, весьма значимую эстетическую нагрузку. Оконная фурнитура не только составляет единый комплекс, обусловленный техническими и стилевыми характеристиками, но и находится в непосредственной связи с деревянным заполнением окон, их конструктивными типами, габаритами, расстекловкой, профилированными деталями, пространственными характеристиками. Поэтому эти элементы убранства требуют комплексного рассмотрения и анализа.

В домах, как правило, существовало несколько типов комплектов скобяных изделий, которые различались не только принадлежностью к определенному типу окна, но и должны были соответствовать иерархическому уровню ярусно-функциональной зоны (парадная, жилая для хозяев, комнаты для дворни и т.д.). В жилых комнатах бельэтажа и антресолей могли быть разные приборы в связи с разнотипностью окон, но также и по причине различной репрезентативности разных этажей. В пределах одной зоны приборы, как правило, были однотипны.

«Приборы монтировались таким образом, чтобы человек среднего роста, стоя на полу, без дополнительных приспособлений мог открывать и закрывать окна» [1, с. 166].

**Рисунок 1. Длинный шпингалет Большого зала
Строгановского дворца;**

Рисунок 2. Длинный шпингалет Большого зала Строгановского дворца, деталь.

Шпингалеты первой половины XIX века представлены двумя основными типами: автономные и раздвижные. Автономные шпингалеты применялись в большинстве случаев как наиболее экономичные и простые в обращении. Они состоят из хомутиков, прикрепленных к планке, которые держат движущийся стержень прямоугольного и квадратного сечения. Сечение стержня говорит о времени его создания: более ранние и более поздние стержни – круглого сечения. Ограничение движения шпингалета осуществляется стержнем ручки, который введен в специальную прорезь в планке шпингалета. У нижнего шпингалета, незначительного по высоте – один хомутик, у верхнего могут быть еще и промежуточные.

Рисунок 3. Длинный шпингалет на окне Картинной галереи

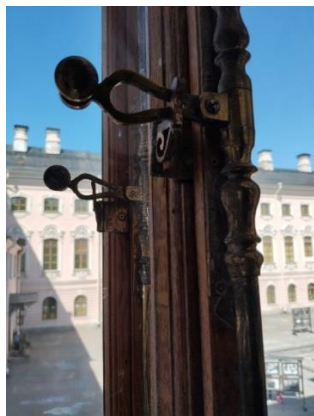

Рисунок 4. То же в Большом кабинете графини С.В. Строгановой

Рисунок 5. то же в Кабинете с дубовым камином

Ручки амбирных автономных шпингалетов располагаются на стержне, у более поздних (середина XIX века и позже) – на глухом хомутике, паз в поверхности которого одновременно является ограничителем поступательного движения стержня. В эпоху позднего ампира глухой хомутик (пятка) мог отсутствовать, ручка при этом была замоничена со стержнем.

Шпингалет раздвижной состоит из единой планки, на которой стержни верхний и нижний приводятся в движение ручкой в средней части шпингалета. Устройства, фиксирующие шпингалеты в закрытом состоянии, одинаковы как для раздвижных, так и автономных шпингалетов. Верхний шпингалет фиксируется колпачком, нижний – пробоем.

Пробой крепится к коробке или подоконнику, колпачок – к фрамуге. Если фрамуга отсутствует, крепление верхнего шпингалета осуществляется пробоем, крепящемся к коробке.

*Рисунок 6. Длинный шпингалет из Углового зала
Строгановского дворца*

Рисунок 7. То же, деталь

*Рисунок 8. Шпингалет с аналогичной ручкой
из Гатчинского дворца*

Шпингалеты и ручка крепятся на одной (правой) створке для удобства пользования. Нижний шпингалет меньше верхнего. Его размеры зависят от габаритов окна – не только из художественных соображений, но и из соображений прочности. Длина верхних шпингалетов рассчитывалась таким образом, чтобы его нижний уровень над полом составлял определенную величину, наиболее удобную для эксплуатации. В справочнике для архитекторов-реставраторов приведены специальные таблицы для определения этих размеров [1, с. 110].

*Рисунок 9. Верхний шпингалет в Минеральном кабинете
Строгановского дворца*

Рисунок 10. Нижний шпингалет там же

Рисунок 11. Деталь верхнего шпингалета

Для изготовления оконных приборов применялись два вида металла: железо и латунь. В подавляющем большинстве случаев в приборе сочетались оба вида: железо несло конструктивные, силовые нагрузки, латунь – декоративные. Железо в комнатах функционально непредставительных могло применяться без латуни. Латунь в монолите применялась исключительно редко. Чаще всего шпингалеты были комбинированными по материалу. Конструктивно ответственные детали – планка и стержень – изготавливались из железа и обертывались латунной фольгой. Хомутики – как глухой, так и сквозной, а также шпингалетные ручки делались из латунного массива.

В дворцовых интерьерах широкое распространение получили так называемые кремены – раздвижные шпингалеты во всю высоту окна с ручкой в средней части. Впервые они стали широко применяться во Франции в XVIII веке для запираения и отпираения дверей и окон, но название связано с итальянским городом Кремона, где они были изобретены. Cremona bolt довольно просты, состоят всего из трех частей, двух стержней сверху и снизу и ручки. По сути, «кассета» кремены (коробка, в которой находится запорный механизм) сопровождается набором вертикальных стержней, которые работают с рычагом или ручкой. Когда ручку или рычаг поворачивают или тянут, стержни разблокируются. Когда они возвращаются в исходное положение – блокируются. В болтах Cremona используются разного типа ручки. Часто шпингалеты такого типа имеют ручку в виде откидного рычага для управления затвором, очень похожий на ручки на задней части грузовиков.

В данной статье приведены примеры оконной фурнитуры парадного этажа Строгановского дворца. Можно выделить три основных вида

оконных шпингалетов. В Минералогическом кабинете и Малом кабинете графини С.В. Строгановой применены автономные шпингалеты: верхний – более длинный, и нижний – короткий.

*Рисунок 11. Состояние длинного шпингалета (кремоны)
до реставрации*

*Рисунок 12. Состояние длинного шпингалета (кремоны)
до реставрации*

***Рисунок 13. Состояние длинного шпингалета (кремона)
до реставрации***

Второй тип – раздвижные шпингалеты на всю высоту окна, прикрепленные несколькими хомутами с гладкой ручкой в средней части. Это первый тип кремон, примененный в Строгановском дворце. Такой тип шпингалета использован почти во всех интерьерах анфилады по Невскому проспекту: Парадной столовой, Старой передней, Зале Гюбера Робера, Арабесковой гостиной.

И, наконец, самый поздний по времени и самый изысканный раздвижной шпингалет во всю длину оконной створки, без дополнительных хомутов, с изящной ручкой в виде откидного рычага для управления затвором. После реставрации такого рода шпингалеты, выполненные по сохранившимся образцам, установлены во многих парадных интерьерах дворца: Большом, зале, Картинной галерее, Греческой гостиной, Зале с дубовым камином и др. Недостающие комплекты кремон во время реставрационных работ были выполнены по историческим образцам производственной фирмой «Металлдекор» из латуни и стали с покрытием латунью.

Список литературы:

1. Архитектурные детали в русском зодчестве XII I- XIX вв. Справочник архитектора-реставратора. – М., Academia, 2005.
2. Киселев И.А. Интерьерный архитектурный металл: оконные и дверные приборы первой половины XIX века. – М., 2019.
3. Строгановский дворец: послойная расчистка. Из истории реставрации знаменитого здания Санкт-Петербурга. – Москва: Эксмо, 2017.

2.2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

БРАК В ИСЛАМЕ

Сахибуллин Рустем Наилевич

преподаватель

*Колледж Информационных технологий (СПО ИКТЗИ КИТ),
Казанский национальный исследовательский
технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ,
РФ, г. Казань*

Зиннатуллина Камилла Данилевна

студент,

*Колледж Информационных технологий (СПО ИКТЗИ КИТ),
Казанский национальный исследовательский
технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ,
РФ, г. Казань*

Аннотация. Основой семьи в исламе являются кровные узы или супружеские обязательства. Ислам строит семью на прочных основаниях, способных обеспечить разумную преемственность, истинную безопасность и зрелую близость. Брак – это часть жизни как семьи, так и общества. Универсальность брака в различных обществах и культурах объясняется множеством основных социальных и личностных функций. С точки зрения ислама, брак – это религиозный долг, моральная гарантия и социальное обязательство. Ислам считает брак очень серьезным обязательством; он предписал определенные меры для того, чтобы сделать супружеские узы настолько прочными, насколько это возможно для человека. Брак в исламе не является ни таинством, ни простым гражданским договором. Скорее всего, брак в исламе – это нечто уникальное с совершенно особыми чертами как сакраментального, так и договорного характера.

Abstract. The basis of the family in Islam is blood ties or marital obligations. Islam builds a family on solid foundations capable of providing reasonable continuity, true security and mature intimacy. Marriage is a part of life, both family and society. The universality of marriage in different societies and cultures is explained by many basic social and personal functions. From the point of view of Islam, marriage is a religious duty, a moral guarantee and a social obligation. Islam considers marriage to be a very

serious obligation; it has prescribed certain measures in order to make the marital bond as strong as possible for a person. Marriage in Islam is neither a sacrament nor a simple civil contract; most likely, marriage in Islam is something unique with very special features of both a sacramental and contractual nature.

Ключевые слова: брак; ислам; коран; религия; общество; семья.
Keywords: marriage; Islam; the Koran; religion; society; family.

В исламской системе брак и семья занимают центральное место. Это приверженность самой жизни, обществу и достойному, значимому выживанию человеческой расы. Это обязательство, которое супруги берут на себя друг перед другом, и Богом. Это обязательство, в котором они находят взаимную самореализацию, покой, комфорт и надежду. Брак в исламе не является ни таинством, ни простым гражданским договором, скорее, брак в исламе – это нечто уникальное с очень особыми чертами сакраментального и договорного характера, а также рассматривается прежде всего, как праведный поступок, т.е. преданность. Ислам поощряет брак и придает большое значение семье. Брак – это один из путей посланников и те, кто следует их путям в этом мире, будут воскрешены вместе с ними в последней жизни. Посланники отметили четыре способа: быть праведным, пользоваться благовониями, использовать Miswak для чистки зубов, вступать в брак.

Согласно общепринятым мнениям, человек совершает грех, не вступая в брак, и совершает достойный поступок, за который он будет вознагражден в загробной жизни, потому что, вступая в брак, он защищает себя и невесту от совершения прелюбодеяния. Никах считается обязательной для каждого мусульманина, потому что это обряд, предписанный шариатом. Он символизирует священное заключение союза между женщиной и мужчиной.

Никах – союз мужчины и женщины. В исламе считается как религиозный долг, моральная гарантия и социальное обязательство. Как религиозный долг, который необходимо выполнять, но, как и все другие обязанности в исламе, это предписывается только тем, кто способен выполнять связанные с эти обязанности. В Коране говорится: «Среди его знамений – то, что Он сотворил из вас самих жен для вас, чтобы вы находили в них успокоение, и установил между вами любовь и милосердие» [1]. Предполагается, что от этого союза любви муж и жена будут жить в мире, воспитывать детей, которые продолжают человеческий род и развитие общества. Союз мужчины и его жены прослежи-

вается до общего принципа равенства, потому что оба созданы из одной души.

Исламский брак основан на необходимости достижения и поддержания спокойствия в обществе. Брак поднимает духовный и моральный уровень человека.

Юридический брак в исламе рассматривается как контракт, т.к. элементы, которые составляют союз, и способ, которым завершается, аналогичен гражданскому контракту [2]. По своей форме исламский союз может выглядеть как контракт, но по своей сути это не так. Но, наше государство признаёт только брак, заключенный в органах ЗАГС, совместное проживание без заключения брака не являются «браком» в юридическом смысле.

Священный Коран является выдающимся словом Божьим, который предписывает каждому мусульманину вступать в брак с подходящей женщиной по его выбору. Человек, который остается холостяком без какого-либо разумного оправдания, не повинуется словам Божьим. Это «Сунна муаккада», т.е. если человек вступает в союз, то он получает религиозные блага. Если он воздерживается от этого, то он совершает грех. Это священный завет. Основная цель – институт брака призван защищать общество от порочности и распутства.

Существуют конкретные рекомендации для мусульман, желающих вступить в брак, как указано в исламском праве, включая общие кодексы поведения как для мужчин, так и для женщин в отношении этикета. Обязанности жены, как спутницы жизни заключается в том, чтобы способствовать успеху брака настолько, насколько это возможно. Она должна быть внимательна к комфорту своего партнера, проявлять уважение к мужу, религиозно и нравственно воспитывать детей, создать мирную и домашнюю обстановку, управлять семейными ресурсами и поддержание своего целомудрия. Она не имеет права оскорблять его или задевать его чувства. Жена должна быть верной, честной в своих словах и поступках. Обязанности мужа: не должен быть скуп в отношении своей жены, он должен обеспечивать ее финансово в силу своих возможностей; дать религиозные знания и удостовериться что она соблюдает нормы ислама; проявлять терпение и мудрость; не имеет права заставлять жену делать что-то, противоречащее религии Ислам; уважать и избегать чрезмерной ревности; не следует бить жену и жестоко с ней обращаться.

Заключение бракосочетания в ОАЭ. Законодательство ОАЭ опирается на религиозный аспект. В ОАЭ нет семейного кодекса. Все споры рассматриваются в шариатском, гражданском и уголовном суде, а

семейные споры рассматриваются в религиозных судах. Бракосочетание проходит в несколько этапов:

Первый – это священный обряд “никах”. Супруг должен достичь совершеннолетия и не подпадать под специальную категорию – махрам. Мужчинам разрешают жениться только на христианках, мусульманках и иудейках. А женщине можно выходить замуж только за мусульманина.

Второй – это официальное заключения брака, при регистрации которого жених и люди, что представляют невесту (родственники), подписывают контракт. Но полностью мужем и женой они могут стать после основного обряда. Важно заметить, что подходящим временем для проведения обрядов считается время после заката солнца. Дом невесты неделю подготавливают – украшают и убирают. Саму виновницу торжества за 40 дней до свадьбы никто, кроме близких родственников, видеть не должен. Семьи с ортодоксальными взглядами отмечают арабскую свадьбу, строго следуя обычаям. Гости поделены между собой: жених празднует только с мужчинами, а невеста – с женщинами.

Религия весьма ценит право любого лица вступать в брачный союз, а непосредственно брачный союз считается значительным обязательством, основанным в гражданском соглашении, что расписывается в присутствии 2-ух очевидцев. В Иране годы вхождения в брачные отношения определен для девушек – 13 лет, для представителей сильного пола – 15 лет. Новобрачный дает суженой брачный презент в соответствии с социальными, а также финансовыми стандартами ее семьи. Данный выкуп переходит в ее собственность, а также служит залогом ее защищенности. Мусульманская девушка наделена правом имущества, а также предпринимательства, а кроме того обладает возможностью оставить девичью фамилию уже после вхождения в брачный союз. Она не облагается никакими экономическими обязательствами, которые рассматриваются исключительно обязанностью ее супруга. Супруг в Иране обладает возможностью в беспричинном расторжении брака, при этом дети при разводе остаются вместе с ним. Однако супруга при особых обстоятельствах в случае, если они были оговорены при вхождении в брачный союз, способна воспользоваться данным законом. Данные права называют «брачными условиями», в которых прописано к примеру, возможность в расторжение брака в случаях, если супруг заканчивает оплачивать ее содержание, безжалостно обращается с ней, либо же в случае покидания супругом дома и т.п. Однако нужно выделить то, что даже несмотря на то, что были ли обговорены данные требования или вовсе нет, девушку способен обезопасить суд. То есть в случае если супруг будет как-то несправедливо обращаться с супругой, в та-

ком случае жена может обратиться в суд, а также требовать расторжение брака. Таким образом, в Иране, тема замужества принимается решением отца с матерью, либо родными [3]. При этом для очень молодой супруги назначается попечитель, который наблюдает за тем, чтобы супруг никак не оскорблял ее. Основной функцией девушки считается материнство, по этой причине супруг обязан её целиком обеспечивать, без лишних пререканий предоставлять ей средства на разнообразные затраты. Девушка обязана воспитывать ребенка, осуществлять брачные функции, а потом работать. В Иране мужчинам допускается иметь 4-х жен. Однако, 1-ая супруга способна установить конкретные требования при вхождении в брачный союз, при котором именно она станет являться единственной женой. Подобное требование должно быть оформлено документально. Однако, даже если такого условия не было, то 2-ой брачный союз может быть заключен только с согласия 1 супруги.

Ислам считает брак очень серьезным обязательством; он предписал определенные меры, чтобы сделать супружеские узы настолько прочными, насколько это возможно для человека. Стороны должны стремиться соответствовать условиям надлежащего возраста, свободного согласия и благородных намерений. Когда стороны заключают брачный контракт, должно быть намерение сделать узы постоянными, свободными от случайных и временных обозначений. По этой причине пробный брак, брак по контракту и все браки, которые кажутся экспериментальными, случайными или временными, запрещены в исламе.

Список литературы:

1. Аболфазл Бургани Фарахани Али. Проблемы семьи и брака в философско-религиозной традиции Ирана : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.14 / Аболфазл Бургани Фарахани Али ; [Место защиты: Ин-т философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан]. – Душанбе, 2016. – 152 с.
2. Тория Ж.Н. Брак и развод по мусульманскому праву // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 304-308.
3. Салихов И.И., Малмир Э.Н. Правовое положение супруги по законодательству Российской Федерации и Исламской республики Иран // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. № 2. С. 426-438.

РАЗДЕЛ 3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

3.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В РОМАНАХ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И.С. ТУРГЕНЕВА

Др. Аят Юсуф Салех

преподаватель русского языка,

Кафедра русского языка,

Багдадский университет

Ирак, г. Багдад

FEMALE PERSONALITIES IN THE NOVELS OF THE RUSSIAN WRITER I.S. TURGENEV

Dr. Ayat Yusuf Saleh

Russian language teacher,

Department of the Russian language,

Baghdad University

Iraq, Baghdad

Аннотация. Данная статья посвящена одному из выделяемых исследователями типов женщины в прозе И.С. Тургенева – «тургеневской девушке». На основе сопоставления характерных черт «тургеневских девушек» и противопоставленных им персонажей выявляется «мифопоэтический стереотип».

Цель статьи – рассмотреть концепцию человека и женских образов в произведениях писателя. В этом исследовании мы будем описывать образы героинь, которых принято считать «тургеневскими девушками». Выделим образ Аси как идеала «тургеневской девушки». Дадим описание трансформирующемуся типу «тургеневской женщины» из романов «Дым» и «Отцы и дети».

Abstract. This article is devoted to one of the types of women identified by researchers in the prose of I.S. Turgenev – the "Turgenev girl". Based on the comparison of the characteristic features of the "Turgenev girls" and the characters opposed to them, a "mythopoetic stereotype" is revealed.

Consider the concept of man and female images in his works. In this study, we will describe the images of heroines who are considered to be "Turgenev girls", highlight the image of Asia as "Turgenev girl" ideal and give a description of the transforming type of "Turgenev woman" from the novels "Smoke" and "Fathers and Children".

Ключевые слова: И.С. Тургенев; роман; образ; собирательные образы; женщина; нравственный идеал; художественное своеобразие.

Keywords: I.S. Turgenev; novel; image; collective images; woman; moral ideal; artistic originality.

Выдающееся место в развитии литературы 19 века, несомненно, принадлежит И.С. Тургеневу. Великий русский писатель и поэт считается классиком не только русской, но и мировой литературы. Его повести, рассказы и романы имеют почитателей во всем мире. Но последние занимают особое место в его творчестве. Именно в них Тургенев максимально полно представляет картину напряженной, сложной общественной и духовной жизни России того периода. Каждый роман Тургенева, едва появившись в свет, тут же оказывался в центре внимания критиков. Интерес к ним не иссякает и в наши дни.

В изучении романов Тургенева в последнее время сделано немало новых открытий.

Было опубликовано тридцатитомное собрание сочинений, новые материалы о романах, найдены варианты текстов, проведены исследования проблем, связанных с творчеством. В процессе изучения было выделено понятие «тургеневская девушка», которое впоследствии стало нарицательным. Но мало кто знает, что женские образы в романах писателя не ограничиваются «тургеневской девушкой».

Изучение данного вопроса популярно у литературоведов и критиков, поэтому информацию о нем можно найти в разнообразной литературе. Но при всем этом авторы не дают целостного подхода к изучению творчества писателя. Невозможно найти книгу, в которой были бы проанализированы все шесть романов Ивана Сергеевича Тургенева, и мне как автору данной работы это кажется значительным упущением.

Актуальность темы на данный момент диктуется реалиями повседневной жизни.

Людей, в чем-то похожих на героев из произведений Тургенева, мы ежедневно встречаем на работе, дома, на улице. Наблюдаем за их судьбами, участвуем в их личных драмах, но зачастую не понимаем мотивов их поступков. Анализ творчества великого писателя, а в особенности анализ женских характеров его произведений, может пролить свет на психологические аспекты тех или иных поступков современных людей.

По объему романы писателя невелики, но по содержанию крайне полны и богаты. Как правило, писатель для повествования выбирает острую драматическую коллизию, изображает своих героев в важнейшие моменты их жизненного пути. Это во многом и определяет структуру всех произведений этого жанра.

Некоторые вопросы структуры первых четырех романов Тургенева (в большей части первых четырех: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети») исследовал А.И. Батюто. А впоследствии к этому же вопросу обращались В.М. Маркович и Г.Б. Курляндская.

Последняя рассматривает тургеневские романы, соотнося их с его же повестями, анализируя при этом структурные и психофизиологические принципы создания характеров. В.М. Маркович в своей книге исследует роль мировоззренческого спора в романах Тургенева.

Изучая взаимоотношения повествователя и героя, особенности и значение лирических отступлений и трагических моментов, он отмечает, что в творчестве писателя ярко прослеживается единство «вечных вопросов» с «локальной конкретностью».

Г.Б. Курляндская рассматривает романы Тургенева в соотнесенности с повестями, выявляя разные структурные принципы создания характеров и форм психологического анализа.

В книге П.Г. Пустовойта «И.С. Тургенев – художник слова» романам И.С. Тургенева уделяется серьезное внимание: им посвящена II глава монографии. Однако вопросы художественного своеобразия романов не стали предметом исследования ученого, хотя название книги как будто нацеливало именно на такой аспект анализа.

В другой монографической работе «Художественный мир И.С. Тургенева» ее автор, С.Е. Шаталов, не выделяет из всей системы художественного творчества писателя именно романы. Однако ряд интересных и тонких обобщений дает серьезный материал для анализа художественного своеобразия. Исследователь рассматривает художественный мир И.С. Тургенева в двух аспектах: и в его идейно-эстетической целостности, и в плане изобразительных средств. При этом следует особо выделить VI главу, в которой автор на широком историко-литературном фоне прослеживает развитие психологического мастерства писателя, в том числе и в романах.

Нельзя не согласиться с мыслью ученого о том, что психологический метод Тургенева в романах эволюционировал. «Эволюция психологического метода Тургенева после “Отцов и детей” протекала быстрее и резче всего сказалась при работе над романом “Дым”» [5], – пишет С.Е.Шаталов.

Также стоит отметить последнюю работу А.И. Батото, в которой, анализируя творчество Тургенева в соотнесенности с критико-эстетической мыслью его времени, автор вычленяет, на наш взгляд, одну очень важную особенность романного творчества писателя, тесно связанную с пониманием трагического.

Так как трагическое есть удел почти каждого развитого человека и у каждого есть своя правда, романский конфликт у Тургенева строится на «столкновении противоположных идей в состоянии их вечной равнозначности» [3]. Но это не единственная глубокая мысль автора о творчестве великого романиста.

Несмотря на обилие этих работ, обобщающей книги, рассматривающей в совокупности творчество писателя, все же не хватает. Выделение взаимосвязей романов, совокупный анализ их идейного содержания могли бы открыть доселе скрытые, новые грани в творчестве автора.

На сегодняшний день в нашем тургенеvedении нет обобщающей работы, в которой была бы выявлена специфика тургеновского романа на материале всех произведений писателя этого жанра. Такой «сквозной» подход к романам писателя, на наш взгляд, необходим. Он во многом диктуется отличительными свойствами жанра тургеновского произведения, которые, прежде всего, выявляются в своеобразной взаимосвязи всех романов.

Как мы видели, эта взаимосвязь обнаруживается при анализе идейного содержания романов. Не менее сильной она оказывается и в плане поэтики. Убедимся в этом, обратившись к отдельным ее сторонам.

Термин «тургеновская девушка» появился в отечественной литературе достаточно давно и стал нарицательным по отношению не только к героиням произведений писателя.

Большая значимость и богатство образов женских персонажей в произведениях Тургенева были отмечены еще его современниками. Исследование женских образов и характеров не раз привлекало различных ученых. Но мы рассмотрим их, базируясь на статье «Гамлет и Дон Кихот», написанной самим автором. Основные идеи этой статьи чаще всего связывают с романами «Отцы и дети» и «Накануне».

Замысел этой статьи возник у Тургенева задолго до ее написания. Так, в письме к Полине Виардо от 25 декабря 1847 года Тургенев дает сравнение героя драмы Кальдерона с Гамлетом, которое потом отра-

зится в его статье. В 1851 году Е.М.Феокистов в своем письме к писателю говорит: «...особенно желал бы я видеть статью по поводу Гамлета и Дон Кихота, о котором мы так давно рассуждали в Москве»[8].

Эти идеи стали основополагающими при создании женских образов во всех произведениях Тургенева.

В этой статье писатель выделил свойства двух коренных человеческих типов: Гамлета с его эгоизмом и анализом и Дон Кихота с его служением добру, истине, людям и готовностью к самопожертвованию.

В этих литературных типах он ярко противопоставляет антагонистические качества характера.

М.Б. Храпченко в своих работах говорит о том, что идеи эти не просто были философскими размышлениями Тургенева, но и получили яркое воплощение в его романах.

Классификация женских образов в романах также строится на этих размышлениях:

1. женщины, живущие только для себя, своими интересами. Дарья Михайловна Ласунская, мать Лизы Калитиной, Варвара Павловна, жена Лаврецкого, Одинцова, Ирина Ратмирова, Сипягина.

2. «тургеневские девушки», живущие ради других, чужими мыслями и страданиями. Наталья Ласунская, Лиза Калитина, Елена Стахова, Марианна.

Анализируя эти ряды персонажей, мы можем проследить эволюцию этих образов и их соотношение.

В романах «Рудин» и «Накануне» главные героини противопоставляются друг другу: Наталья Ласунская своей матери Дарье Михайловне; Лиза Калитина – своей матери Марьи Дмитриевне.

В первом романе Дарья Михайловна Ласунская рисуется как человек, целиком занятый собой. Автор пишет, что в беседе с Рудинным «Дарья Михайловна говорила небрежно, слушала рассеянно...» [20].

«Впрочем, Дарья Михайловна скоро перестала его расспрашивать: она начала ему рассказывать о себе, о своей молодости, о людях, с которыми зналась. Рудин с участием внимал ее разглагольствованиям, хотя – странное дело! – о каком бы лице ни заговорила Дарья Михайловна, на первом плане оставалась все-таки она, она одна, а то лицо как-то скрывалось и исчезало» [20]. Авторская ирония растет с каждым словом: «Судя по рассказам Дарьи Михайловны, можно было подумать, что все замечательные люди последнего десятилетия только о том и мечтали, как бы повидаться с ней, как бы заслужить ее расположение...». И далее: «Она (Дарья Михайловна) говорила о них, и, как богатая оправа вокруг драгоценного камня, имена их ложились блестящей каймой вокруг главного имени – вокруг Дарьи Михайловны»

[20]. В другом месте о Дарье Михайловне говорит Лежнев: «Дарья Михайловна, во-первых, эгоистка и живет для себя» [20].

Похожа на Дарью Михайловну мать Лизы Калитиной, о которой Иван Сергеевич пишет, когда первый раз рисует ее читателю: «...она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушали ее привычки; зато она была очень ласкова и любезна, когда все ее желания исполнялись, и никто ей не прекословил» [20].

Далее автор прямо называет ее эгоисткой: «Марья Дмитриевна, как истая эгоистка, ничего не подозревала» [20].

В обоих романах матерям противопоставлены дочери Наталья и Лиза, которые обозначают собой новое поколение.

В противоположность Дарье Михайловне, ее дочь Наталья обычно «говорила мало, слушала и глядела внимательно» [20]. Тургенев выделяет внимание Натальи к окружающему миру. Она считает, что такие, как Рудин, должны «стараться быть полезными» [20]. Наталью в нем интересуют, прежде всего, его идеи. «Она (Наталья), – пишет Тургенев, – все думала – не о самом Рудине, но о каком-нибудь слове, им сказанном, и погружалась вся в свою думу» [20].

В Лизе Калитиной автор также подчеркивает, что она вся была обращена к людям: «Вся проникнутая чувством долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким» [20].

В романе «Накануне», третьем, написанном автором, Иван Сергеевич Тургенев максимально рельефно подчеркнул в героине ее альтруистическое начало, силу и способность служить людям. Любопытен тот факт, что роман плохо приняли критики. Как отмечал Анненков, «светская часть» русской читающей публики «была встревожена..., ужаснулась настроению автора» [11] и в целом отнеслась к роману отрицательно. Один из критиков, М.И. Дараган, писал, что Елена – это Дон Кихот в юбке. Несомненно, он был прав. Тургенев подчеркнуто подробно рассказывает об особой жажде деятельного добра у Елены: «...она с детства жаждала деятельности, деятельного добра; нищие, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видела их во сне; расспрашивала об них всех своих знакомых; милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением.

Все притесненные животные, дворовые собаки, осужденные на смерть котята, выпавшие из гнезда воробьи, даже насекомые и гады находили в Елене покровительство и защиту...» [20]. Не случайно писатель рисует даже несколько комическую ситуацию, когда Елена бежит на иронический призыв отца: «Леночка, иди скорей, паук муху сосет, освобождай несчастную!» [20]. Это должно было действительно ассоциироваться с подвигами Дон Кихота, тем более если принять во

внимание, что роман появился в феврале 1860 года, а статья – в январе этого же года.

Стоит отметить, что в «Накануне» автор не противопоставляет Елене ни один другой женский характер. Зато на страницах двух последующих романов мы «тургеневскую девушку» не встретим. В центре внимания теперь окажется уже усложненный образ все той же эгоистичной женщины, предстающей перед нами в «Рудине» и «Дворянском гнезде».

Многие люди отзываются о повести «Ася» в ключе нежного стихотворения, которое непременно напоминает о первой любви.

И с этим трудно не согласиться. «Ася» – чудесная история, пусть и с трагическим концом, о любви, которую, прочтя однажды, запомнишь на всю жизнь.

Главная героиня этой повести – ярчайший образ в литературе. Милая девушка семнадцати лет со «смуглым кругловатым лицом, небольшим тонким носом, почти детскими щечками и черными, светлыми глазами. Она грациозно сложена, но не вполне еще развита».

Жизнь ее складывалась трагическим образом: она дочь помещика и крепостной. Именно этим отчасти объясняет автор горячность и импульсивность ее натуры. Но она застенчива и не умеет вести себя в светском обществе. Довольно рано потеряв мать, а через несколько лет еще и отца, Ася задумывается о смысле жизни и разочаровывается в ряде окружающих ее людей и событий. Но при этом она не теряет веры в жизнь и не перестает восхищаться ею. Она хочет оставить свой след в истории повседневности и говорит: «Дни уходят, жизнь уйдет, а что мы сделали?».

Ася стремится к чему-то особенному, к деятельной жизни, к совершению подвига. Она тонкая, романтическая натура, которой чуждо все обыденное и суетное. Именно поэтому она хочет летать, как птица. Поэтому ей так нравятся романтические рассказы и легенды. А своим кумиром она считает Татьяну, героиню романа «Евгений Онегин».

История Аси и Н.Н. могла бы стать историей счастливейшей любви, если бы он не осознал своих чувств к девушке лишь после того, как ее потерял.

Главная особенность Аси – это ее непостоянство, загадочность и странность. Ася непосредственна, открыта и благородна. Именно поэтому Н.Н. восклицает: «Что за хамелеон эта девушка!». Сначала она лазает по стене, как коза, поливает цветы на стенах, сразу после этого ведёт себя как благовоспитанная барышня, шьёт и опять выказывает своё ребячество.

В повести ее в первый раз охватывает такое чувство, как любовь и, она полностью отдается ему, как нахлынувшей волне прилива. Любовь дарит ей крылья, и счастью Аси нет преград. Благодаря этому чувству она парит над суетой каждого дня.

Не умея притворяться и скрывать свои чувства, Ася, как и пушкинская Татьяна, первая признается в любви Н.Н.. Она при этом не преследует каких-либо корыстных или иных мотивов. Девушка просто хочет сказать, что любит, и оказаться любимой. Но он напуган этим известием, т.к. боится связать свою жизнь со столь странной особой. Н.Н. боится общественного мнения, и искренняя любовь Аси разбивается о его нерешительность. Обвинения Н.Н. глубоко ранят трепетную душу Аси, и она с Гагиным покидает город.

Этот необычный образ можно назвать воплощением образа «тургеневской» девушки, потому что чистота Аси, свет ее помыслов и заботы не только о своем счастье, но и о счастье Н.Н., описываемые Тургеневым, затрагивают каждого, а отношение Аси к своей жизни, к целям, которых она хочет достичь, открывает новые грани образа «тургеневской девушки», получившего дальнейшее развитие в других романах.

«Тургеневская женщина» в романах «Отцы и дети» и «Дым»

Тургеневских героинь – Наталью Ласунскую, Лизу Калитину, Елену Стахову, по сложившейся в литературоведении традиции, принято относить к типу «тургеневской женщины», который развивает пушкинскую традицию «идеального» женского типа [12].

Курляндская пишет, что эти героини лишены противоположных начал, они отличаются цельностью, поэтому их поведение весьма предсказуемо, и неожиданных поворотов от них ждать не стоит.

Но в романах «Отцы и дети» и «Дым» происходит усложнение типа «тургеневской женщины». Об Анне Сергеевне Одинцовой и, особенно, об Ирине Ратмировой можно сказать, что по сплетению противоположных наклонностей и устремлений, приводящих их в состояние раздвоения и драматических колебаний, по некоторой доле инфернальности они соотносимы с героинями Достоевского.

Описание жизни Ирины в Москве уточняет то, о чем не говорит Тургенев относительно положения Анны Сергеевны после смерти отца. Унижение и бедность Ирина переносила «со злою улыбкою на сумрачном лице», а ее родители чувствовали себя «без вины виноватыми перед этим существом, которому как будто с самого рождения дано было право на богатство, на роскошь, на поклонение» [28].

Анна Сергеевна, оставшись совсем одна, с двенадцатилетней сестрой, «не потеряла голову и немедленно выписала к себе сестру своей

матери, княжну Авдотью Степановну Х...ю», причуды которой выносила терпеливо, «занималась воспитанием сестры и, казалось, уже примирилась с мыслию увянуть в глуши...» [28]. Для Ирины возможный брак с Литвиновым, которого она полюбила, можно сказать, тоже был бы «увяданием в глуши».

Слишком далек был герой от символа «богатства, роскоши, поклонения». Его любовь Ирина принимает с «какой-то враждебностью, точно он обидел ее, и она глубоко затаила обиду, а простить ее не могла». «Литвинов, – пишет автор, – был слишком молод и скромн в то время, чтобы понять, что могло скрываться под этой враждебностью, почти презрительною суровостью» [28].

Когда героиня, полюбив, начинает строить различные планы о том, что она будет «делать, когда выйдет замуж за Литвинова», даже эти «светлые мгновения первой любви» омрачаются некоторыми «недоразумениями и толчками» [28]. Однажды она назвала Литвинова «настоящим студентом», потому что у него «неблагородный облик»: он прибежал к ней прямо из университета, в старом сюртуке, с руками, запачканными в чернилах, и без перчаток [28]. В другой раз Литвинов застаёт Ирину в слезах.

Причина их была в ее единственном платье. «...У меня другого нет, – говорит она, – оно старое, гадкое, и я принуждена надевать это платье каждый день... даже когда ты... когда вы приходите... Ты, наконец, разлюбишь меня, видя меня такой замарашкой!» [28].

Так как Анна Сергеевна больше не могла терпеть унижения, она решает выйти замуж за Одинцова, «очень богатого человека, лет сорока шести, чудака, ипохондрика, пухлого, тяжелого и кислого, впрочем, неглупого и не злого» [28]. Ум побеждает сердце Ирины, и она принимает предложение знатного родственника, хотя и «нелегко ей было разорвать связь с Литвиновым, она его любила и <...> чуть не слезла в постель, беспрестанно плакала, похудела, пожелтела» [28].

Можно предположить, что Анна Сергеевна пережила в своей жизни сильную страсть, которой не «отдалась вполне». Не случайно о ней говорят: «Прошла через огонь, воду и медные трубы» [28]. Битва страсти и разума в дальнейшем повлияет на выбор этих героинь Тургенева, причем разум в его произведениях будет побеждать страсть.

Ряд исследователей считает, что Одинцова, ценившая комфорт превыше всего, так и не сумела полюбить и отдаться страсти, но их мнение справедливым назвать можно весьма условно. Нельзя упрекнуть ее в нежелании и тем более в неспособности полюбить. Анна Сергеевна, у которой много воспоминаний, но при этом и вспомнить-то нечего, готова влюбиться (тем более что Базаров поражает ее вооб-

ражение и думы), но понимание настоящей любви при этом у нее свое, особенное, она считает, что такая любовь в реальной жизни невозможна.

Да и Базаров отчасти пугает ее своим поведением. Формула настоящей любви для нее: все или ничего! Она не понимает, как можно не разделять ее взглядов, ведь мысль о том, что если ты взял чью-то жизнь, т.е. полюбил, то должен отдать свою безвозвратно, кажется ей естественной и понятной. Базаров ее взглядов явно не разделяет.

«– А вы думаете, легко отдаться вполне чему бы то ни было?»

– Не легко, если станешь размышлять, да выжидать, да самому себе придавать цену, дорожить собой то есть, а не размышляя, отдаться очень легко.

– Как же собою не дорожить? Если я не имею никакой цены, кому же нужна моя преданность?

– Это уже не мое дело: это дело другого разбирать, какая моя цена. Главное, надо уметь отдаться.

<...> – Вы бы сумели отдаться?

– Не знаю, хвастаться не хочу», – отвечает Базаров [28].

После этого разговора Анна Сергеевна серьезно задумывается. В борьбе страсти (символом которой, как и в романе Гончарова «Обрыв», является змея-коса) и разума победил последний. Базаров увидел на следующий день изменения в поведении Одинцовой и бледность ее лица, говорящие о бессонной ночи [28].

Анна Сергеевна думает, что любовь – это обязательно самому раствориться в жизни другого, но в реальности это оборачивается потерей индивидуальности, цельности личности, связей с миром. Один человек как бы становится придатком другого, а значит – быть счастливым в полной мере не может по определению. Он в итоге приходит к мысли, что лучшие минуты жизни человека, которые тот может назвать счастливыми, «вторичны». Она в беседе с Базаровым называет это «намеком на безмерное счастье», но при этом не счастьем как таковым.

Чувство, «внушенное Базарову Одинцовой», «мучило и бесило» его, «возмущало всю его гордость», он с «негодованием сознавал романтика в самом себе», «отправлялся в лес и ходил по нем большими шагами, ломая попадавшиеся ветки и браня вполголоса и ее и себя», когда же ему казалось, что «в Одинцовой происходит перемена», он «топал ногою или скрежетал зубами и грозил себе кулаком» [28]. Увидев проявление страсти Базарова, которая «в нем билась, сильная и тяжелая», «похожая на злобу и, быть может, сродни ей», героиня почувствовала, что ей «стало и страшно и жалко его» [28]. Женщина не думала о том, что может стать объектом ненависти Базарова, не сама как

личность, а как причина страсти, которая поглощала юношу, и с которой он не мог справиться.

После объяснения Базарова Анна Сергеевна промолвила: «Я виновата, <...> но я это не могла предвидеть»[28]. Узнав Базарова, Одинцова не могла предположить, что он способен так полюбить. Ее же только на один миг охватывает тайна страсти: «Она увидела себя в зеркале; ее назад закинута голова с таинственной улыбкой на полузакрытых, полураскрытых глазах и губах, казалось, говорила ей в этот миг что-то такое, от чего она сама смутилась...»[28]. «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...»[28]. И в результате, уважая себя («Как собою не дорожить? Если я не имею никакой цены, кому же нужна моя преданность?»), понимая себя и Базарова («В нас слишком много было... однородного», «мы не нуждались друг в друге»[28]), она «заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее – и увидела за ней даже не бездну, а пустоту, («только намек на счастье») ... или безобразии (« Я боюсь этого человека», – мелькнуло в голове Анны Сергеевны при расставании с Базаровым) [28], и впоследствии вышла замуж «не по любви, но по убеждению за человека «холодного как лед» [28].

Ирина в противоречивости своего характера еще более, по сравнению с Одинцовой, близка женскому типу «гордой красавицы» Достоевского.

Она противопоставлена невесте Литвинова Татьяне. О Татьяне и сам Литвинов, и Потугин говорят как о милой, доброй, святой девушке, с постоянным «лучом солнца на лице», с золотым сердцем и истинно ангельской душой [28].

«Образ Ирины» же воздвигался перед Литвиновым «в своей черной, как бы траурной одежде»[28], «таинственные» глаза ее «как будто глядели <...> из какой-то неведомой глубины и дали» [28].

Е.Ю. Полтавец в статье «Сфинкс. Рыцарь. Талисман» проводит параллель между образами Одинцовой и княгини Р., основываясь на греческом мифе об Эдипе [15]. Однако и Ирину Ратмирову можно отнести к этому типологическому ряду. Павел Кирсанов встретил княгиню на балу и «влюбился в нее страстно» [28]. И Литвинов «влюбился в Ирину, как только увидел ее»[28], «оно» «налетело внезапно бурей» [28], «он чувствовал одно: пал удар, и жизнь перерублена, как канат, и весь он увлечен вперед и подхвачен чем-то неведомым и холодным.

Иногда ему казалось, что вихорь налетал на него, и он ощущал быстрое вращение и беспорядочные удары его темных крыл...» [28].

Оба героя понимают, что эта любовь не принесет им счастья, даже при взаимности, и невозможно будет от нее освободиться. «Тяжело было Павлу Петровичу, – пишет Тургенев, – даже тогда, когда княгиня Р. его любила; но когда она охладела к нему, а это случилось довольно скоро, он чуть с ума не сошел <...>».

Он вернулся в Россию, попытался зажить старою жизнью, но уже не мог попасть в прежнюю колею. Как отравленный, бродил он с места на место...» [28]. С ядом сравнивает и Литвинов свое чувство к Ирине. «Видно, два раза не полюбишь, – думал он, – вошла в тебя другая жизнь, впустил ты ее – не отделаешься ты от этого яда до конца, не разорвешь этих нитей! Так; но что ж это доказывает? Счастье. «Разве оно возможно? Ты ее любишь, положим... и она... она тебя любит...» [28]. Образы судьбы-колеса и любви – бездны – смерти (настоящей или духовной) снова возникают в романе «Дым». Герой говорит Татьяне, что он «погиб», что «падает в бездну» [28]. Автор так объясняет сложность чувств Литвинова и его желание прийти к чему-то определенному: «Людам положительным, вроде Литвинова, не следовало бы увлекаться страстью; она нарушает самый смысл их жизни... Но природа не справляется с логикой, с нашей человеческою логикой; у ней есть своя, которую мы не понимаем и не признаем до тех пор, пока она нас, как колесом, не переедет» [28]. Литвинов проходит все стадии в любви, которые предсказывает ему Потугин: «Человек слаб, женщина сильна, случай всемогущ, примириться с бесцветною жизнью трудно, вполне себя позабыть невозможно... А тут красота и участие, тут теплота и свет, – где же противиться?»

И побежишь, как ребенок к няньке. Ну, а потом, конечно, холод, и мрак, и пустота... как следует. И кончится тем, что ото всего отвыкнешь, все перестанешь понимать. Сперва не будешь понимать, как можно любить; а потом не будешь понимать, как жить можно» [28].

Уезжает Литвинов из Баден-Бадена «закостеневшим», «иногда ему сдавалось, что он собственный труп везет» [28].

Ирина, являющаяся в романе символом этого «Неведомого», против которого не смог устоять «положительный» человек Литвинов (впрочем, и Потугин), представляет тип женщины-аристократки, находящейся во власти не только света, но и «каких-то тайных» сил. Связь Ирины с великосветским обществом – в ее крови, а также в своего рода «категорическом императиве» ее красоты, которая требует широкой и блестящей арены, где она могла бы себя показать в настоящем свете и действовать. Вне этой атмосферы она не смогла бы жить, и никакая любовь не в состоянии заполнить этого пробела. «Оставить этот свет я не в силах, – пишет она Литвинову, – но и жить в нем без тебя не мо-

гу» [28]. А перед этим говорит ему, что любовь не может заменить все в жизни: «Я спрашиваю себя, может ли мужчина жить одною любовью?..» [28].

В этом природа Ирины совпадает с природой Одинцовой. Говоря Литвинову: «Ты знаешь, ты слышал мое решение, ты уверен, что оно не изменится, что я согласна на... как ты это сказал? ... на все или ничего ... чего же еще? Будем свободны!..» [28], – она сама не верит в свои слова и поспешно меняет свое решение.

Ирина не может разрубить этот гордый узел и выбрать любовь, потому что считает, что ни женщина, ни – особенно – мужчина не может жить только любовью, так как это может привести к трагедии, что ярко показано в романе Толстого «Анна Каренина».

Ирина живет в обществе и одновременно презирает его. Великосветское общество окружает героев повсюду, даже если оно незримо, то все равно ощущается ими. Оно видится не только в образе появившегося генерала Ратмирова, но и тогда, когда Ирина встречается с Литвиновым в «бальном платье, с жемчугом в волосах и на шею» перед званым обедом [28] или на улице, тогда, когда к ней «подлетает известный дамский угодник мсье Вердие и начинает приходить в восторг от цвета увядшего листа ее платья, от ее низенькой испанской шляпки, надвинутой на самые брови...» [28], или во время решительного объяснения, когда Ирина... перебирает кружева. «Не сердись на меня, мой милый, – говорит она Литвинову, – что я в подобные минуты занимаюсь этим вздором... Я принуждена ехать на бал к одной даме, мне прислали эти тряпки, и я должна выбрать сегодня. Ах! Мне ужасно тяжело!» – произносит она при этом, отворачиваясь от картона, чтобы слезы не испортили кружева» [28].

В заключение романа автор пишет о том, что госпожу Ратмирову «боятся и взрослые, и высокопоставленные лица, и даже особы», боятся ее «озлобленного ума», между тем «муж Ирины быстро подвигается на том пути, который у французов называется путем почестей» [28]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский пишет, что в лице Ирины Тургенев показал нам образец женщины великосветской, гордой, умной и страстной.

Она наделена большими душевными силами, но они испорчены «роковой порчей» озлобленности, страдания и пошлости.

Таким образом, героини романов «Отцы и дети» и «Дым» представляют новый женский тип, отличный от типа «тургеневской женщины». В отличие от Натальи Ласунской, готовой пойти за Рудиным к «великой цели», Лизы Калитиной и Елены Стаховой, пытающихся «в одиночку» найти гармонию между личным счастьем и общественным долгом (тем самым они становятся трагическими героинями и несут

наказание «за превышение пределов человеческой компетенции» [4]), Анна Сергеевна Одинцова (как переходный образ) и Ирина Ратмирова пытаются обрести счастье в личной жизни. И если Одинцова способна пойти на компромисс, то Ирина находится в ситуации, которая исключает возможность любого выбора и в личностном плане становится трагической героиней.

Можно сделать вывод, что система женских образов Тургенева наполнена трагизмом. Ярко видна концепция писателя о трагической участи человеческой личности, которая связана с поиском идеала, необходимого России в переломный момент ее истории.

В конце романа Литвинов восклицает: «Ты мне даешь пить из золотой чаши, но яд в твоём питье и грязью осквернены твои белые крылья...» [14]. Она вышла замуж «не по любви, но по убеждению <...>. Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви»[28].

Гений Ивана Сергеевича Тургенева был и остается общепризнанным как в российской, так и в зарубежной литературе. Его произведения живут в веках и не потеряли актуальности даже в наше непростое время. Богатство образов в его романах дает нам возможность свободы мысли и рассуждений о вечных философских темах.

Среди женских образов у Тургенева принято выделять истинно «тургеньевских девушек» и эгоистичных и самодостаточных героинь. Идеалом истинно «тургеньевской девушки» можно считать Асю.

Хочется сказать, что мысли Тургенева близки мне по духу. Каждый день мы с вами встречаем на улицах разных девушек, и в любой из них мы видим черты характера, выделенные Тургеневым в своих героинях. В городской суете можно увидеть и нежную тонкую «Асю», и «Ирину», которая заботится о своем благополучии, и множество других женских образов, выделенных писателем. Более того, часть характера той или иной девушки присутствует в разной степени в каждой из нас. Поэтому я считаю, что пусть и книжный, выдуманный, но все же опыт этих женщин каждая из нас в разной степени должна примерить на себя. Ведь так часто мы делаем тот же выбор, что делали героини Ивана Сергеевича Тургенева, а иногда и совершаем их же ошибки. Мне кажется, что для того, чтобы этих ошибок в нашей жизни стало меньше, каждой женщине и девушке стоит задуматься, проанализировать и понять тургеньевские характеры, а главное – увидеть, к каким последствиям могут привести их те или иные особенности.

Список литературы:

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960

2. Батиото А.И. Творчество И.С.Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л.: Наука, 1990
3. Батиото А.И. Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: ИХЛ, 1975
5. Буш В. Народничество и «Новь» Тургенева // И.С.Тургенев. Л., 1934.
6. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962.
7. Бялый Г.А. «Дым» в ряду романов Тургенева. Вестник Ленинградского госуниверситета. 1947. №9.
8. Вопросы изучения русской литературы XI-XX веков. М.; Л.,Изд-во АН СССР, 1958.
9. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: СП, 1971.
10. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 томах. Т.2. М.-Л., 1962.
11. Ивакина И.В. Условия типа «тургеневской женщины» в романах «Отцы и дети» и «Дым». В разделе Спасский вестник, № 10. – 2003г.
12. Ивакина И.В. «Идеальный» женский тип и трансформация «онегинской» модели в романах Тургенева // Спасский вестник, . – № 9. – 2002г.
13. Ивакина И.В. Условия типа «тургеневской женщины» в романах «Отцы и дети» и «Дым». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.turgenev.org.ru (дата обращения: 14.05.23).
14. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. (Учебное пособие для студентов вузов). М., 1998.
15. И.С. Тургенев в современном мире. М.: Наука, 1987.
16. История русского романа. Т.1. М.-Л.: АН СССР, 1962.
17. Курляндская Г.Б. Этическая тема в творчестве Тургенева // Ученые записки Орловского пед. ин-та. – Т. 17. – Орел, 1963.
18. Курляндская Г.Б. Структура повести и романа И.С.Тургенева 1850-х годов. Тула, 1977.
19. Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев. Мироззрение, метод, традиции. – Тула, 2001.
20. Л.Н. Иссова. Романы И.С.Тургенева. Современные проблемы изучения: Учебное пособие. Калинингр. ун-т. – Калининград, 1999.
21. Лебедев Ю. Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1990.
22. Маркович В.М.И.С.Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30-50-е годы). Л., 1982.
23. Муратов А.Б. «Гейдельбергские арабески» в «Дыме» // Литературное наследство. – Т. 76. – М., 1967.
24. Немзер А.С.А. Тургенев Иван Сергеевич – жизненный путь и творчество www.biografii.ru

25. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собрание сочинений. – СПб, 1910. – Т. 2.
26. Полтавец Е.Ю. Сфинкс. Рыцарь. Талисман // Недзвецкий В.А. и др. И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети». – М., 2000.
27. Пустовойт П.Г. Проблемы изучения творчества Тургенева // Творчество И.С.Тургенева. Сборник научных трудов. Курск, 1984.
28. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Сочинения. – М., 1978–83. – Т. 7.
29. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1975
30. Цейтлин А.Г. «Дым» // Творчество И.С.Тургенева. Сб. статей. М., 1959

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

4.1. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л. МОРИАРТИ «ЧТО ЗАБЫЛА АЛИСА»

Насонова Мария Олеговна

ассистент

кафедры «Церковная история и философия»,

Пензенская духовная семинария,

РФ, г. Пенза

CONTEXTUAL TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE: A CASE STUDY OF THE NOVEL “WHAT ALICE FORGOT” BY L. MORIARTY

Maria Nasonova

Assistant

of the Department of Church History

and Philosophy, Penza Theological Seminary,

Russia, Penza

Аннотация. В данной статье анализируются окказиональные контекстуальные трансформации фразеологических единиц в романе «Что забыла Алиса» Лианы Мориарти. Приводятся примеры структурно-семантически и семантически измененных фразеологических единиц. Рассматривается стилистический эффект, достигаемый приемами вклинивания, двойной актуализации и замены компонентов.

Abstract. This article analyses occasional contextual transformations of phraseological units in Liane Moriarty's novel "What Alice Forgot". Examples of structurally semantic and semantically modified phraseological units are provided. The stylistic effect achieved through techniques such as insertion, double actualisation, and component replacement is examined.

Ключевые слова: фразеология; контекстуальные трансформации; фразеологические единицы; окказиональное использование; структурно-семантические изменения; семантические трансформации; вклинивание; двойная актуализация; замена компонентов; прямое значение; переносное значение.

Keywords: phraseology; contextual transformations; phraseological units; occasional usage; structural-semantic changes; semantic transformations; insertion; double actualisation; component replacement; direct meaning; figurative meaning.

В настоящее время фразеология является зрелой отраслью лингвистики с устоявшейся теорией и собственной методологией. Основоположником теории фразеологии является швейцарский лингвист французского происхождения Ш. Балли, который выделил четыре группы фраз по степени устойчивости: свободные словосочетания, привычные сочетания, фразеологические ряды и фразеологические единства [1, с. 43].

Развитие фразеологии как лингвистической дисциплины в российской науке неразрывно связано с именем В.А. Виноградова. Именно он первым составил синхроническую классификацию фразеологических единиц русского языка. Ученый также много занимался решением вопроса о терминологическом наполнении фразеологии, определении его объекта и предмета. Объектом фразеологии, по мнению В.А. Виноградова, является совокупность всех фразеологических единиц. В свою очередь, предметом фразеологии выступает изучение происхождения фразеологических единиц и их категориальных особенностей, а также выявление закономерностей функционирования фразеологических единиц в речи [2, с. 211].

Изучение функционирования фразеологических единиц в речи повлекло за собой разделение их узуального и окказионального употребления. Когда фразеологические единицы используются узуально, реализуется их буквальное значение, которое можно найти в словаре. Окказиональное значение – это значение, которое фразеологическое выражение приобретает в некотором контексте, сопровождаемом отклонением от обычного и общепринятого.

В данной статье мы обратимся к английскому языку и рассмотрим окказиональные контекстуальные трансформации фразеологических единиц на примере романа австралийской писательницы Лианы Мориарти «Что забыла Алиса». Роман является интересным исследовательским материалом, поскольку автор активно использует идиомы и фразеологические выражения для создания ярких и убедительных образов, а также передачи настроения и характера персонажей.

«Что забыла Алиса» – это роман, повествующий о жизни 29-летней Алисы Лав, которая падает с велосипеда во время занятий спортом и теряет память. Последнее, что она помнит, это то, что беременна своим первым ребенком и влюблена в своего мужа Ника. Однако, проснувшись, она обнаруживает, что ей на самом деле 39 лет, она мать троих детей и находится в бракоразводном процессе с Ником. С лингвистической точки зрения, роман полон фразеологических единиц, некоторые из которых автором были структурно или семантически трансформированы. Рассмотрим некоторые из этих трансформаций более подробно.

Одним из наиболее распространенных способов структурно-семантической трансформации фразеологических единиц в английском языке является вклинивание. Вклинивание – это относительно непритязательный способ преобразования, который «количественно расширяет исходную фразеологическую структуру, добавляя дополнительные элементы» [5, с. 85]. Новые элементы расширяют структуру лексической единицы и ее лексический состав. Кроме того, следует отметить, что вклинивание не является простым произвольным расширением фразеологической структуры, а всегда представляет собой проникновение в нее отдельных ключевых элементов контекста. Например, в первой главе романа мы впервые узнаем о несчастном случае с Алисой в спортзале, описанном некоторыми ее знакомыми:

“You’re at the gym,” said Jane. “You fell and knocked yourself out. **Gave me an absolute heart attack**, although I was sort of grateful for the excuse to stop” [3, с. 7].

“A heart attack” – сердечный приступ – это серьезная медицинская ситуация, при которой поставка крови в сердце внезапно блокируется. В данном отрывке выражение используется неформально и фигуративно для передачи значения того, что человек внезапно чувствует страх, удивление или шок. Фактически, падение Алисы с велосипеда во время занятий спиннингом вызвало шок у всех присутствующих до такой степени, что они испугались за жизнь главной героини. В данном конкретном случае «вызвать у кого-то сердечный приступ» – это пример фразеологической единицы, мотивированной исходным значением ее компонентов. Кроме того, ее воздействие усиливается структурным

преобразованием и вставкой прилагательного «абсолютно», которое здесь подчеркивает полное потрясение и недоверие Джейн.

Замена компонентов – это еще один продуктивный метод фразеологического преобразования в английском языке. Замена вмещивается в фразеологическую структуру, что естественным образом приводит к увеличению выразительности и образности фразеологической единицы. Обычно один компонент заменяется другим компонентом, но в некоторых случаях замена может основываться на замене однословного компонента несколькими компонентами или наоборот. Также возможна замена нескольких компонентов одновременно, но хотя бы один компонент должен остаться неизменным, чтобы обеспечить узнаваемость единицы [4, с. 86-87].

По мере развития сюжета Алиса узнает все больше шокирующих подробностей о своей жизни в последние десять лет; при этом расставание с Ником ранит ее больше всего. Это заставляет героиню предаваться воспоминаниям об их отношениях в ранние годы.

Except, there were no moments of bliss after grocery shopping when she was fifteen. She hadn't met Nick yet. **Her heart still had to be broken** a few times before he could turn up and **superglue it together** with words like "besotted" [3, с. 6].

В этом отрывке встречается фразеологическое сочетание «разбить кому-то сердце» в страдательном залоге, а также структурная замена его компонента «разбить» на «склеить». Использование страдательного залога «быть разбитым» можно интерпретировать как проявление полной преданности и доверия Алисы к Нику как ее рыцарю на белом коне, а не как причине ее сердечной боли. Кто-то другой обижал ее, кто-то другой делал ее несчастной и одинокой в прошлом, кто-то совершенно иной разбил ее сердце. Именно этому сердцу Ник пришел на помощь и «склеил» его обратно как будто самым прочным клеем, сделав Алису снова целой внутри. Здесь Л. Мориарти прибегает к действительному залогу, предполагая, что мужчина смог исцелить сердце своей возлюбленной.

Более того, глагол «склеить» также используется в переносном смысле, но мотивирован своим первоначальным значением и передает идею безопасного закрепления чего-либо. Стилистически это увеличивает выразительность и образность фразеологической единицы, контрастируя Ника Лав с любым другим мужчиной в жизни Алисы и делая его уникальным в ее глазах.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых семантических трансформаций фразеологических единиц в романе «Что забыла Алиса».

Возможность семантических трансформаций реализуется за счет так называемой внутренней формы. В.Н. Вакуров предполагает, что

этот аспект фразеологических единиц дает авторам возможность в определенной степени реконструировать образ и адаптировать метафорическое значение к конкретным условиям контекста. При этом семантические трансформации не являются произвольным расширением фразеологической структуры, а всегда представляют собой проникновение отдельных ключевых элементов контекста во фразеологическую единицу [13, с. 40]. Рассмотрим некоторые примеры.

Вспоминая счастливые моменты, которые она разделила с Ником на протяжении многих лет, Алиса не могла не вспомнить о том, как их чувства друг к другу впервые расцвели. Вот как она это помнит:

[Alice] could remember the euphoria of those early dates with Nick [...]. She was drinking a huge creamy cocktail, and Nick was telling a story about one of his sisters, [...] and [Alice] felt such an intense sensation of happiness it frightened her, because surely there was **a price to pay** for this sort of bliss. (And was this the price? All these years later? Nick swearing at her on the phone from the other side of the world. Had she finally been **sent an exorbitant bill?**) [3, с. 127].

Словосочетание “to pay a price” широко используется в английском языке для описания не только действия по передаче денег в обмен на что-то, но и в переносном смысле для обозначения ситуации, когда человек «пожинает плоды» своих действий. В этом случае контекст, в котором появляется фразеологическая единица, дает читателю указатели, необходимые для правильного понимания значения: «интенсивное ощущение счастья», «такого рода блаженство» – это то, чего главная героиня считает себя недостойной и поэтому готова за это заплатить.

Тем не менее, этот отрывок подчеркивает лингвистический потенциал двойной актуализации фразеологической единицы. Всего через несколько строк после воспоминаний Алиса задается вопросом, является ли их с Ником расставание «непомерным счетом», который ей придется заплатить за годы счастья. Лингвистически «цена» приходит в виде счета, преобразуя фразеологическую единицу обратно в ее первоначальное, или узуальное, значение.

Другими словами, двойная актуализация позволяет использовать выражение в прямом и переносном смысле всего в нескольких строках друг от друга. Однако, несмотря на то, что их разделяет всего несколько строк, с точки зрения повествования эти две интерпретации служат мостом между прошлым Алисы и ее настоящим, связывая воедино последние десять лет ее жизни.

Естественно, Алиса Лав – не единственный персонаж романа, которого удары жизни сделали несчастным. Так, ее сестра Элизабет по-

сещает психиатра доктора Ходжеса, который помогает ей справиться с психическими последствиями бесплодия.

Алиса видела, что неудачные попытки ее сестры зачать ребенка берут верх над ней и вот-вот отправят ее за грань. Единственное решение, которое она могла придумать, – это убедить мужа Элизабет Бена, который раньше был против усыновления, пересмотреть свое решение, что ей вроде бы удалось. Однако, узнав о вмешательстве сестры в ее семейную жизнь, Элизабет пришла в ярость и решила ей противостоять:

“On Thursday you told Ben that he needed to get over [...] his problem with adoption. You said that plenty of people didn’t get on with their biological parents and that it was **a lottery**, but that any kid who got Ben and me as parents would **hit the jackpot**” [3, с. 181].

«Сорвать джекпот» – это фразеологическая единица, использование которой обусловлено более ранним употреблением родственного термина «лотерея». На самом деле, если воспринимать их буквально, то и «лотерея», и «сорвать джекпот» обозначают рискованный финансовый выбор. Например, лотерея – это вид азартной игры, в которой люди надеются выиграть денежный приз, купив счастливый лотерейный билет. Кроме того, буквальное значение этого слова мотивирует переносное: если человек называет что-то лотереей, он имеет в виду, что происходящее полностью зависит от удачи или случая. Поскольку мы не можем выбирать своих родителей, рождение в любящей или неблагополучной семье – это лотерея, над которой мы не властны. Другими словами, «лотерея» в этом абзаце используется метафорически, чтобы описать природу наличия биологических родителей. Трансформация происходит, поскольку Алиса предполагает, что отношения между людьми и их биологическими родителями непредсказуемы, как и исход лотереи.

Тем не менее, Алиса попыталась поощрить свою сестру и Бена принять участие в этом азартном приключении. Она хвалит их семью, говоря, что любой ребенок, который получит их в качестве родителей, «сорвет джекпот». Эта фразеологическая единица, в свою очередь, также имеет множество коннотаций в зависимости от контекста, в котором она появляется. Во-первых, она описывает акт выигрыша большой суммы денег в лотерею. Во-вторых, оно может использоваться для обозначения большого или неожиданного успеха, особенно в быстром зарабатывании большого количества денег. В-третьих, иногда она выражает идею достижения большого успеха, особенно благодаря удаче.

Тем не менее, в данном абзаце фразеологическая единица семантически трансформируется, чтобы означать нечто другое. В глазах Алисы иметь Элизабет и Бена в качестве родителей было бы так же удачно и желанно, как сорвать джекпот. Миссис Лав явно высокого мнения о

своей сестре и ее муже. Алиса выражает свое одобрение, чтобы вдохновить Элизабет и Бена на мысль об усыновлении. Более того, она противопоставляет негативный опыт, который некоторые люди имеют со своими биологическими родителями, позитивному результату, который может быть у Элизабет и Бена в качестве родителей. Этот контраст служит для того, чтобы усилить точку зрения миссис Лав и убедить ее сестру.

В целом, семантические преобразования фразеологических единиц, которые использует Л. Мориарти, делают язык книги более выразительным и убедительным. Изменяя узуальное значение фразеологической единицы, автор стремится вызвать определенные эмоции, создать яркие образы или передать сложные идеи в краткой и яркой форме.

Подводя итог, отметим, что фразеология является зрелой отраслью лингвистики с устоявшейся теорией и методологией. Фразеологические единицы могут использоваться как узуально, так и окказионально, приобретая новое значение в контексте. Роман «Что забыла Алиса» Лианы Мориарти использует идиомы и фразеологические выражения для создания образов и раскрытия характера персонажей. Структурно-семантическая трансформация фразеологических единиц может происходить через вклинивание или замену компонентов. Также возможны семантические трансформации через внутреннюю форму. Примеры из романа показывают различные трансформации фразеологических единиц и их двойную актуализацию, позволяющую использовать выражение в прямом и переносном смысле.

Список литературы:

1. Балли Ш. Précis de stylistique: Esquisse d'une methode fondée sur l'étude du français moderne. – Los Angeles: University of California Libraries, 2012. – 196 p.
2. Виноградов В.В. Русский язык. – Москва: Высшая школа, 1986. – 640 с.
3. Moriarty L. What Alice Forgot. – New York: Penguin Random House, 2009. – 383 с.
4. Spisiakova A., Iermachkova O.E. Semantic Transformations of Phraseological Units in Russian and Slovak Newspaper Articles // Филологические науки. – 2022. – № 5. – С. 12-18.
5. Spisiakova A. Structural-Semantic Transformations of Phraseological Units in Russian and Slovak Newspaper Articles // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. – 2022. – № 19 (1). – С. 82-100.

4.2. РУССКИЙ ЯЗЫК

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КАК ОБРАЗЕЦ ГЛАГОЛЫ БРАТЬ, ПИСАТЬ

Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур

канд. филол. наук, доцент,
кафедра русского языка,
Багдадский университет, Ирак, г. Багдад

SEMANTIC MEANINGS OF VERBS WITH PREFIXES IN RUSSIAN: AS A SAMPLE VERBS TO TAKE, WRITE

Al Shammari Majida Jameel Ashour

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor,
Department of Russian Language,
University of Baghdad, College of Languages,
Iraq, Baghdad

Аннотация. Статья посвящена изучению префиксации как одного из продуктивных способов словообразования в русском языке. Анализ лексических значений приставочных производных от русских глаголов *писать* и *брать* позволяет выявить состав и функции различных глагольных префиксов. Результаты исследования могут быть полезными в практике преподавания РКИ, сфере перевода, в лексикографической практике при составлении двуязычных словарей.

Abstract. The article is devoted to the study of prefixation as one of the productive ways of word formation in Russian. An analysis of the lexical meanings of prefix derivatives from the Russian verbs *write* and *take* makes it possible to reveal the composition and functions of various verbal prefixes. The results of the study can be useful in the practice of teaching Russian as a foreign language, in the field of translation, in lexicographic practice when compiling bilingual dictionaries.

Ключевые слова: приставки/префиксы; префиксация; глаголы; словообразование; лексическое значение; русский язык.

Keywords: prefixes/prefixes; prefix; verbs; word formation; lexical meaning; Russian language.

Цель данной статьи – проанализировать лексические значения глаголов *брать* и *писать* с различными приставками с целью выявления их состава и определения функций. В статье использованы словарные определения исследуемых глаголов, представленные в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова. [6].

Изучение русского глагола как носителями языка, так и инофонами – трудная, но необходимая и очень важная задача. По данным различных интернет-источников, глаголы в русском языке занимают третье место по их количеству после существительных и прилагательных. Так, в современных словарях русского языка насчитывается свыше 110000 слов, из них 31500 – глаголы без учета разнообразия их форм и конструкций [5]. В настоящее время русский язык располагает 18 продуктивными приставками, которые являются самым распространенным средством в глагольном словообразовании, одним из основных средств расширения глагольной лексики. Как отмечал известный русский лингвист С.П. Обнорский, «префиксы, сочетаясь с глаголами, вносят новые оттенки в основное значение глагола, т.е. раскрывают новое содержание его, обогащая сокровищницу языка новыми элементами лексики» [Цит. по 7].

В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой термин приставка определяется как «минимальная значимая часть слова, стоящая перед корнем и придающая слову новые значения; приставка (в лингвистике)» [3]. Приставки используются во многих языках и нередко происходят от предлогов, следовательно, имеют такое же (или близкое) значение, что и соответствующий предлог.

Префиксы играют важную роль в образовании частей речи в русском языке. В своей статье о способах словообразования в русском и арабском языке в сопоставительном аспекте мы отмечали, что В.В. Виноградов, первый русский лингвист, предложивший классификацию способов словообразования в русском языке, среди морфологических способов выделяет фонетико-морфологический, бессуффиксный способ, суффиксальный, префиксальный, смешанный, суффиксально-префиксальный [1, с. 2].

В настоящей статье мы обращаемся к префиксации. Следует подчеркнуть, что приставки в системе русского глагола выполняют разные функции. По словам Н.М. Шанского, «приставка в качестве служебной морфемы, как и суффикс, служит для образования слов или их несин-

таксических форм. Среди приставок выделяются те же разряды: словообразовательные (*соавтор, проформа, выносить, антирелигиозный, дисгармонизировать* и т. д.), формообразующие (*презабавный, наилучший, поближе, испугать, сформировать* и т. п.) и приставки синкретического характера (например, по и за в словах *понести, запеть*). Формообразующую функцию чаще выполняют приставки с-, за-, про-, по-, от-; малопродуктивными являются приставки на-, о-, у- и непродуктивны в указанной функции приставки вы-, из-, раз-, при-, пере-, под-, воз-. В структурно-генетическом отношении приставки, как и суффиксы, могут быть простыми (пере-, из-, без- и т. д.) и составными (недо-, обез-)» [8, с. 47-48]. Также Н.М. Шанский обращает внимание на тот факт, что «реальное значение многих приставок соотносительно с пространственно-временным значением предлогов. Генетическое родство приставок и предлогов проявляется, в частности, в их тавтологическом повторении при сочетании глагола и предложно-падежной формы, например: *войти в город, добежать до финиша, изгнать из города, подсунуть под дверь* и т. д. Преимущественной сферой использования приставок является глагол. Но и в глаголе не все приставки активны, и не все глаголы одинаково способны соединяться с приставками» [8, с. 49]. Болгарский лингвист Иванова Н.С. отметила, что «для понимания значения приставочных глаголов с приставками, имеющими "пространственную направленность", информанты считают контекст производящей основы обычно самодостаточным: их не затрудняет, например, понимание приставочных соответствий глаголов». [4, с. 5].

Обратимся к представлению в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова приставочных глаголов, производных от глагола *писать*.

1. Написать: что? с дополнением. Видовая пара глаголов со значением 'делать/сделать действие чтобы получить текст'.

2. Пописать-пописывать: что? без дополнения. Провести время на написание недолго, не много. *Пописать с полчаса*.

3. Дописать-дописывать: что? написать что-нибудь до конца. Закончить писать текст.

4. Переписать-переписывать: 1. что. Написать еще раз, сделать копию с какого-нибудь текста. *Переписать рукопись набело. «Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже "перепишите"».* Гоголь. *Переписать на машинке в трех экземплярах.*|| Заново, иначе написать (картину, статью; разг. и живоп.). 2. Сделать список, опись всех, многих предметов или лиц. *Переписать присутствующих. Переписать имущество.* 3. Передать, подарить кому-чему-нибудь, оформив передачу документом (устар.). *Купец переписал дом на имя жены.*

5. Вписать-вписывать: 1. кого-что. Записать, внести, включить в список (офиц.). 2. что. Приписать между, около написанного. *Вписать пропущенные слова.* 3. что. Вычертить одну фигуру внутри другой так, чтобы она была вписанной (во 2 знач., мат.). *Вписать треугольник в окружность.*

6. Выписать-выписывать: что? 1. Найдя, списать, записать что-нибудь (цитата) из книги. 2. Написать для выдачи кому-нибудь (ордер). 3. Написать или нарисовать тщательно (картину). 4. Заказать доставку чего-нибудь (газету). 5. Вызвать письменно (к себе семью). 6. Исключить из списка, из состава кого-чего-нибудь.

7. Записать-записывать: 1. что. Сделать письменные заметки (о чем-н. виденном, слышанном), передать что-н. на письме для памяти или на случай надобности. *Записать подслушанный разговор. Я записал лекцию профессора от слова до слова. Записать необычное выражение. Записать свои впечатления.* 2. кого-что. Внести в список. *Записать кого-н. добровольцем. Записать в очередь на получение билетов. Запишите меня на завтрашний прием к доктору.* 3. что. Бесконечными поправками, слишком усердной работой испортить (картину; живоп. арг.). *Можно, что называется, записать картину.* Фет. 4. что на кого-что. Передать кому-н. какую-н. собственность по официальному документу (право, устар.). *Записать имение на жену.* 5. что. Начать писать (разг. фам.). *После долгого перерыва он опять записал.*

8. Расписать-расписывать: что? 1. Записать в разные места. *Расписать слова (на карточки).* 2. Распределить между кем-чем-нибудь, назначить кому-чему-нибудь, сделав запись об этом. 3. Разрисовать красками.

9. Приписать-приписывать: что? 1. Написать в дополнение к чему-нибудь, (несколько строк). 2. кого? что? Причислить к призывному участку. 3. что? Счесть причиной чего-нибудь, принадлежащим кому-нибудь (неудачу чьим-н-поискам).

10. Описать-описывать: 1. Подробно рассказать о ком-чем-нибудь, изобразить кого-что-нибудь в письменной или устной форме. *Я вам подробно опишу.* 2. Изложить в систематическом порядке приметы, особенности, состав чего-нибудь с научной целью. *Описать рукопись.* 3. кого? что? Сделать описание чего-нибудь (офиц.). *Описать банкрота.* 4. что вокруг чего? Начертить одну фигуру вокруг другой так, чтоб она была описанной. *Описать окружность вокруг треугольника.*

11. Надписать-надписывать: что? 1. Написать на внешней стороне какого-нибудь предмета. *Надписать адрес на конверте.* 2. Снабдить надписью (разг.). *Надписать книгу.* 3. Написать что-нибудь

сверху, поверх чего-нибудь (какого-нибудь текста). *Надписать резолюцию на заявлении.*

12. Подписать-подписывать: что? 1. Поставить подпись, написать свою фамилию под текстом документа, письма. 2. Заключить (условие и т.п.). *Подписать контракт.* 3. Приписать к прежде написанному. *Подписал еще несколько строк.* 4. Включить кого-нибудь в число подписчиков (разг.). *Прошу вас подписать меня на газету.* 5. Дать, пожертвовать по подписке (прост.). Передать, подарить, написав об этом документ (прост. устар.). *Подписал ему свой дом.*

13. Исписать-исписывать: что? 1. Заполнить писанием, покрыть письменными знаками. Мелким почерком исписал две тетради. 2. Рисуя красками, заполнить рисунками, изготовить картины (живоп.). *Этот художник исписал много полотен.* 3. Истратить, израсходовать на писание (разг.). *Исписал последний карандаш. Исписал немало бумаги.*

Изучение словарных дефиниций рассматриваемых глаголов, образованных префиксальным способом от глагола *писать*, позволяет сделать следующие выводы. В образовании приставочных глаголов участвуют префиксы на-, по-, в-, вы-, до-, пере-, за-, рас-, над-, под-, ис-. Все указанные префиксы выполняют формообразующую функцию, так как с их помощью глаголы образуются глаголы совершенного вида. При этом префиксы в-, вы-, до-, за-, пере-, рас-, над-, под-, ис- вносят в семантику производящего глагола существенные дополнения и/или изменения, что находит отражение на лексической и грамматической сочетаемости производных глаголов. Производные приставочные глаголы могут приобретать стилистическую окраску, о чем свидетельствуют различные стилистические пометы – офиц., разг., прост.

Теперь представим значения глагола *брать* с приставками, отмеченные в словаре Д.Н. Ушакова. Глагол *брать* означает ‘поднимать что-то, кого-то, оставляя это в своей руке или руках’, например: *брать книгу с полки*. Глагол *брать* в русском языке многозначный, он используется также в значениях ‘покупать’ (*молоко брать будете?*), ‘захватывать, получать, контроль над кем-то, чем-то’ (*брать крепость штурмом*), ‘арестовывать’, (*брать преступника с поличным*), ‘овладевать, охватывать кого-то’ меня (*берет тоска по морю*). Примечательно, что словарный запас русского языка пополняется за счет образования приставочных глаголов, мотивированных исследуемым глаголом *брать* в 1-ом значении. Обратимся к словарным толкованиям.

1. Вобрать-вбирать: что? втянуть, включить, принять (объединить) в свой состав. *Губка для того, чтобы вобрать воду. Вобрать немного энергии.*

2. Набрать-набирать: кого? чего? и что? 1. Взять (собрать) что-то в каком-н. количестве (обычно большом). *Набрать книг в библиотеке.* 2. Взять с собой /в себя в каком-н. (обычно большом) количестве. *Набрать яблок в руки.* 3. Ввести с помощью клавиатуры (буквы, текст, номер телефона). *Набери меня утром.* 4. Взять в каком-н. количестве с собой, запастись (спец.). *Паровоз набрал воды и угля.* 5. кого-чего и что. Взять чего-н. слишком много (разг.). *Набрал уроков, а потом не знал, как оправиться.* 6. что. Достигнуть какого-н. предела, нужной степени чего-н. (спец.). *Паровоз набрал скорость. Аэроплан набрал высоту.*

3. Выбрать-выбирать: 1. Сделать выбор. *Выбрать один из трёх вариантов. Выбрать президента страны.* 2. Находить, извлекать. *Выбрать время для поездки, выбрать кости из рыбы.*

4. Добрать-добирать: кого? что? чего? 1. Взять для пополнения недостающего. *Осталось добрать несколько человек до полного штата. Надо добрать денег, не хватает.* 2. Окончить собиране кого, чего-н. (разг.). *Добрать долги.* 3. Окончить набор (тип.). *Добрать лист к печатанию.*

5. Забрать-забирать: 1. что? Взять себе, присвоить, захватить. *Я заберу вещи из камеры хранения. Мошенники забрали все мои деньги.* 2. кого? Арестовать, задержать. *Явилась полиция... кузнеца забрали и повели.* М. Горький. Захватить, взять (в плен, в неволю; устар.). *Их забрали в рабство.* 3. Взять всё, много чего-н, взять разом. *Дед... забрал в горсть всё.* 4. что? чем? Заделать, заколотить, загородить (спец.). *Забрали окно до половины досками, чтоб нельзя было ничего видеть, кроме неба.* 5. кого? Встретить и увезти/увести. *Забери ребенка из школы.* 6. Упорно держаться какой-н. мысли, намерения. *(Много) забрать себе в голову (разг. фам.)* 7. Заважничать, зазнаться. *Забрать себе в руки (голову).*

6. Перебрать-перебирать: кого? что? 1. Поочерёдно взять в руки всё или много (одно за другим) *Перебрать ягоды.* 2. *перен.* Представить, воспроизвести, коснуться последовательно всех или многих. *Перебрать события в памяти.* 3. Отремонтировать. *Перебрать двигатель.* 4. Выпить слишком много алкоголя. *Вчера на празднике он перебрал.* 5. Взять какое-н. количество лишка, лишнего, взять чего-н. больше должного на какое-н. количеств (разг.). *Перебрать товаров больше нормы. Собрать большее количеств очков на картах, чем нужно для выигрыша".*

7. Прибрать-прибирать: (разг.). 1. Привести в порядок, придать опрятный, нарядный вид. *Прибрать комнату (волосы).* 2. Завладеть чем-то (присвоить себе) (Прост.) *Прибрать к рукам.* 3 Убрать, отодвинуть в сторону. *Прибрать книги в сторонку.* ▲ *Бог прибрал кого* Кто-н. умер.

8. Обобрать–обирать 1. Снять, сорвать что-то один за другим или со всех сторон. *Обобрать гусениц с деревьев.* 2. Взять себе что-то у кого-то нечестным путём или насильно, обворовать, ограбить. *Вы пытаетесь обобрать моего клиента.*

9. Подобрать–подбирать: 1. Поднять снизу. *Подобрать упавшую еду.* 2. Подтянуть для удобства или придания более аккуратного вида. *Подобрать живот. Подобрать подол платья.* 3. Выбрать в соответствии с целью, надобностью. *Подобрать слова к выступлению.* 4. Взять в попутчики по дороге. *Подобрать человека по пути в Москву.*

Анализ словарных определений приставочных образований от глагола *брать* разрешает сделать следующие результаты. В деривации приставочных глаголов участвуют префиксы во-, на-, вы-, до-, за-, пере-, при-, обо-, подо-. Данные приставки выполняют формообразующую функцию, так как при их помощи образуются глаголы совершенного вида. При этом префиксы во-, на-, вы-, до-, за-, пере-, при-, обо-, подо- вносят в семантику производящего глагола существенные дополнения и/или изменения, что проявляется в лексической и грамматической сочетаемости производных глаголов. Дериваты могут приобретать стилистическую окраску, о чем свидетельствуют различные стилистические пометы – офиц., разг., прост, разг.-фам. Также указанные глаголы используются переносном значении.

Таким образом, в русском языке глаголы образуются главным образом префиксальным способом. Префиксация является продуктивным способом образования видовых пар глагола. Некоторые приставки, присоединяясь к глаголу, не вносят дополнительных оттенков в значение слова, а приводят к изменению вида глагола с несовершенного на совершенный. Большая часть приставок произошла от предлогов и соответствует им по значению. Они служат для образования новых слов, отличающихся от исходных своим смысловым содержанием, совмещая словообразовательную и видообразующую функции. Аффиксы часто выполняют стилистическую функцию.

Список литературы:

1. Аль Шаммари М. Дж. Способы словообразования в русском и арабском языке (сопоставительный анализ) // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология. Сб. ст. по материалам XIX международной научно-практической конференции. – № 8 (19). – Москва, 2018. – С. 122-128.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : Ок. 1900 словообразоват. единиц / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва: Астрель : АСТ, 2005 – 636, [2] с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.woкабула.рф/словари/толковый-словарь-ефремовой/приставка> (дата обращения 10.02.2023).

3. Иванова Н.С. Семантика русских глагольных приставок в префиксальном словообразовании: На материале ЛСГ глаголов трудовой деятельности: автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. – Москва, 1999. – 25 с.
4. Сколько глаголов в русском языке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://bolshoyotvet.ru/drugoe/12992-skolko-glagolov-v-russkom-yazyke.html>. (дата обращения: 10.02.2023).
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Лад-Ком, 2014.
6. Чжан Шуньюй. Функционально-семантические особенности русских приставочных глаголов (приставки: в-(во-), за-, по-). Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. – Санкт-Петербург, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5a6f88267966e12684eea12c.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Шанский Н.М., А.Н. Тихонов. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987.

ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Драйсави Хуссейн кадим маджеди

преподаватель

кафедра русского языка,

Багдадский университет,

Ирак, г. Багдад

Аннотация. В статье рассматривается тема русско-арабских и арабо-русских заимствований. Языковой состав любого языка всегда восприимчив к изменениям.

Заимствование – это социолингвистический феномен, который приводит к передаче заимствованного слова, т.е. процесс перехода из одной разновидности в другую среди связанных языков.

Отмечено, что заимствования в русском языке из арабского языка больше изучены, чем заимствование или заимствованная лексика из русского языка в арабский. Также в статье рассматриваются критерии заимствований слов и пути проникновения в языковой состав языков. Заимствования были связаны с путешествиями, развитием литературы и переводом русскоязычных книг.

Также в статье рассмотрен вопрос о лингвистическом изменении слов, влияющем на их лингвистическую форму, так как русские заимствования в арабском языке подлежали арабскому и наоборот.

Период заимствований в арабском языке кардинально отличается, нежели чем в русском, потому они попадали в язык либо с конца XIX века, либо в XX веке. Отмечено, что заимствованная лексика в арабском языке является относительно молодой.

Ключевые слова: заимствования; арабский язык; русский язык; словарь; лексика; артикль; словарь; исследователи.

Языковой контакт – это непрерывное путешествие, которое не может быть ограничено временем. Таким примером могут являться лингвистические и социальные отношения между арабским и русским языками. Сотни тысяч арабов учатся и живут в России, из-за этого контакта многие русские и арабские слова были заимствованы в язык через эту человеческую смесь и средства массовой информации.

Язык является важным инструментом для выражения мысли, суждений и общения между народами. Люди общаются друг с другом с помощью вербальных или невербальных языков. Через язык они могут

передавать и воспринимать различные нормы, ценности и традиции. Язык является важным средством человеческого общения. Необходимость общения приводит к тому, что носители одного языка вступают в прямой или косвенный контакт с носителями соседних или местных языков.

Вопрос о заимствованиях языков остается открытым. В мире нет такого языка, в котором бы не было заимствованных слов. Русское население издавна взаимодействует со странами Востока, в частности и с арабским языком. Заимствования могут идти в обоих направлениях, так как общество не может существовать вне языка [12, с. 300].

Тема заимствования – это лексикологическая тема, потому что она затрагивает языковой уровень языка, также и языковой состав, который наиболее восприимчив к изменениям, происходящим в окружающем мире, к тем событиям, с которыми мы сталкиваемся [1, с. 10]. Конечно, лексический уровень наиболее тонко реагирует на все эти изменения, в этом плане лексикология арабского языка и лексический состав противопоставляется фонетике, морфологии и синтаксису, потому что эти уровни являются устойчивыми, они практически не подвержены каким-либо изменениям. В связи с этим, в арабском языке, мы можем без труда читать произведения средневековых авторов и понимать их, потому что язык остается практически неизменным. Лексика же арабского языка может меняться, и мы можем замечать эти изменения в повседневной жизни [17, с. 109].

Когда заимствованные слова попадают в воспринимаемый язык, они претерпевают лингвистические изменения, которые влияют на их первоначальную форму. Русские заимствования в арабском языке подлежали фонологическим, морфологическим и семантическим правилам [9, с. 59].

Например, современный мир столкнулся с такой проблемой как пандемия коронавируса, и тут же в арабском языке появилось свое сочетание «faugouz» (كورونا فيروس) – коронный вирус, здесь понятно, что это не арабские слова, а заимствованные, но они сразу же перешли в арабский язык и стали употребляться носителями и средствами массовой информации. Интересный момент, что спустя довольно короткое время язык нашел свой способ заменить иноязычные слова [4, с. 287]. Например, в арабском языке есть слово корона (تاج) и отсюда получилось данное словосочетание как (كورونا فيروس). Мы замечаем, что лексика очень подвижна, она быстро меняется, в этом смысле исследования заимствований представляют собой большой интерес [4, с. 288].

Хотелось бы отметить, что заимствования в русском языке из арабского больше изучены, чем заимствование или заимствованная

лексика из русского языка в арабский. Это связано с тем, что арабских заимствований в русском языке гораздо больше, их насчитывается по разным подсчетам от 200 до 250. Как правило, исследователи уделяют большое внимание именно этому аспекту.

Рассмотрим арабские заимствования в русском языке и обратимся в первую очередь к обиходно-бытовой лексике, это лексика, с которой человек сталкивается повседневно. Например, начнем со слова «магазин», в арабском варианте она звучит как محل (makhazan) и означает «склад или хранилище». Это слово происходит от арабского корня, что означает «хранить». Оказывается, что арабский корень «хазана» и русское слово «казна» одного корня, только пришло в русскую лексику данное слово через турецкий язык. Таких слов много, но, как правило, пути проникновения их в русский язык были не прямыми, а опосредованными, например, как в случае со словом «магазин», оно пришло в русский язык через французский, но установить доподлинно этот путь является очень сложной задачей [8, с. 136].

Рассмотрим слово «бакалея», в арабском языке она звучит как البقالة (bakkal), произношение в обоих языках похоже, единственное, что в русском языке нет звука «каф», т.к. он заменяется на звук «к». Слово «халва» – любимое лакомство, в арабском языке оно звучит как خلوة (hilva) и означает тоже самое, что и в русском языке «сладость». Это слово пришло к нам через турецкий язык [9, с. 157]. Слово «сироп», оно произошло от арабского слова شراب (šarâb), глагол شرب , от которого происходит это слово означает «пить», в арабском языке это слово переводится как «напиток». Единственная особенность в том, что в русском языке это слово приобрело несколько иной смысл, потому что под сиропом мы понимаем концентрированный сахарный раствор или фруктовый сок, смесь сахара в воде [16, с. 245].

Обратимся к другой группе слов, несколько другой тематике, но тоже очень хорошо укоренившиеся в русском языке. Слово «алкоголь» в арабском языке она звучит как الكحول (al-kuḥl) (الكل) и обозначает «спирт» или «алкоголь», пришло это слово в русский через немецкий язык. Возникает вопрос, почему в русском языке это слово начинается с «ал»? Ответ заключается в том, в русском языке будет «ал», а «аль» в арабском – это определенный артикль и поэтому в арабском слове, если мы добавим «аль», оно будет звучать именно так, как и в русском [11, с. 30]. Слово «азарт» произошло от арабского, что в переводе означает «игральные кости» и попало оно в русский язык через французский. Далее рассмотрим два слова с близким значением – это «амулет» и «талисман», предметы, которые могут защитить нас в каких-то неприятных ситуациях. Слово «амулет» происходит от арабского сло-

ва *تميمة*, которое в свою очередь имеет корень *حمل* – это арабский глагол, что значит «нести» или же «носить с собой». Талисман – *التميمة* (*tilsamân*), от *tilsam* – «посвящение, чары, заклинание», только в русский язык пришло из греческого языка [16, с. 10].

Рассмотрим еще группу слов из обиходно-бытовой лексики. Слово «шуба» (*jubba*), казалось бы, чисто русское слово, без которого мы не можем обойтись, но на самом деле оно пришло к нам из арабского языка и обозначает и верхнюю одежду с широкими рукавами. Это слово попало в русский язык посредством итальянского языка. В слове юбка «юбка (*Jubba*), звук «дж» был заменен в русском на «ю» [2, с. 300]. Слово «халат» *رداء حمام* – это жалованная одежда или награда, слово попало к нам из турецкого языка [14, с. 35].

Хочется привести несколько примеров из научной лексики. Известно, что примерно тысячелетие назад арабский восток был ядром науки и ученых. Даже сейчас нам очень хорошо знакомы такие имена как Авиценна Ибн Сина – знаменитый арабский врач, математик Аль-Хорезми, философ Аль-Фараби. Можно сказать, что арабская наука оставила очень глубокий след и, естественно, что многие понятия и термины заимствовались другими языками [1, с. 209]. Например, русское слово «алгебра» звучит в арабском языке как *الجبر* (*al-gabr*); в русском языке опять же появилось начало «ал», *al* – это арабский артикль, наподобие английского «the», немецкого «der» или французского «la/le». Такие слова как «цифра» (*الشكل*) или «шифр» (*كود*) имеет значение ноль, пришло слово в русский через немецкий язык. Такое слово как «тариф» происходит от арабского глагола *أن تعرف*, что означает «знать, давать представление о чем-то» и переводится и в арабском языке тоже как «тариф» [9, с. 500]. Слово «алхимия», которое в арабском звучит как *الكيمياء* в русском языке оно приобрело такой мистический оттенок и связано с представлением поисков философского камня, эликсира долголетия. Это слово перешло целиком с определенным артиклем «*al-kîmîa*», данное заимствование является прямым [13, с. 398].

Далее рассмотрим еще один пласт заимствований из религиозной лексики. Собственно говоря, ислам начал распространяться очень быстро и в широком масштабе, попал на территорию нынешней России примерно в восьмом веке. Началось проникновение ислама в Россию с города Дербента республики Дагестан. Эта религия стала распространяться, сейчас количество мусульман в России составляет примерно 23 миллиона, поэтому арабский язык мы не можем считать в полной мере иностранным для носителей русского языка, раз такое большое количество наших людей используют его в повседневной жизни. Мусульмане читают Коран на арабском языке и поэтому слова, кото-

рые здесь представлены в качестве примера попали из арабского языка напрямую, без посредников; они звучат в арабском языке также как и в русском [2, с. 25]. Рассмотрим данную лексику:

- «ислам» (الإسلام), (единственный момент особенность, что слово al-Islām произносится помягче в арабском языке [7, с. 132];
- «Аллах» (الله) произносится на русском как «алла́х» [16, с. 29];
- «Коран» в арабском языке употребляется с определенным артиклем и звучит القرآن (al-qurʿān, аль-Қурʿāн), что означает речь Аллаха [2, с. 255];
- «Рамадан» в арабском языке звучит как رمضان, название этого священного месяца происходит от арабского глагола «рамида» (رَمَضَنَ), который переводится как «быть горячим, раскалённым» [9, с. 509];
- «Хадж» حج (hajj) или паломничество, которое тоже звучит таким образом [4, с. 409];
- «намаз» обозначает в персидском языке «молитва», в русских словарях это относится к арабскому, несмотря на то, что в арабском языке это слово не употребляется и его значение арабом не знакомо; в Коране упоминается слово «салаат – الصلاة», т.е. «молитва», которая использовалось у персидских мусульман [16, с. 1001].

Перейдем ко второй части нашего исследования – к русским заимствованиям в арабском языке и сравнить заимствований по нескольким критериям:

- 1) период заимствования, то есть когда эти слова попадали в язык;
- 2) пути проникновения заимствованной лексики (прямой или опосредованной), т.е. каким образом попадало слово в язык;
- 3) степень ассимиляции заимствований и их количество, то есть насколько слово прижилось в языке и ассимилировалось с ним [17, с. 501].

На основе тех примеров, о которых уже было сказано из арабского языка, можно сделать определенные выводы: эти слова переходили в русский язык в течение очень длительного времени – все Средневековье и даже Новое время. Когда слова попадали в русский язык, было достаточно много времени, чтобы слово могло ассимилироваться, практически раствориться в лексике русского языка и сейчас восприниматься уже как исконно русское. Пути проникновения слов в основном опосредованные, потому что даже чисто географически расстояние разделяло народы и языки. Здесь можно условно выделить восточный путь, то есть через тюркские языки (турецкий, татарский, азербайджанский и т.д.), либо западный путь (французский, итальянский, испанский, голландский и т.д.) [1, с. 48].

По степени ассимиляции эти слова в русском языке полностью ассимилировались, и их количество достигает по некоторым подсче-

там около 250 слов. В исследованиях часто используют этимологические словари, здесь хотелось бы назвать этимологический словарь русского языка Макса Фасмера.

Говоря о русских заимствованиях в арабском языке хочется отметить, что они были связаны с путешествиями, с развитием географической литературы, и, считается, что первые слова из русского языка в арабский попали примерно в девятом веке. Исследователь, ученый-энциклопедист Ибн Руста внес большой вклад в становление арабской географической литературы; именно в его работах появилось слово «славяне», которое по-арабски звучит как السلاف (примерно это было в IX веке) [2, с. 209]. Прошло почти 10 веков, когда еще один арабский исследователь-египтянин шейх Мухаммед Айяд Тантави написал работу «Подарок смышленным с сообщениями про страну Россию». Он был приглашен в Россию для преподавания арабского языка в азиатском департаменте Министерства иностранных дел, прожил в России почти 20 лет и прекрасно владел русским языком [10, с. 299].

Свою работу он писал по пути движения из Египта в Россию, где рассказывал о чудесах и диковинах, которые ему попадались по пути. В этот список лексики попали такие слова: «дрожки» – «лёгкий четырёхколёсный двухместный открытый экипаж на рессорах», газета (casita), воевода (fuyifuda). По фонетике мы можно заметить такую особенность, что в арабском языке нет буквы «о», поэтому она заменяется на звук «у» (отсюда слово не воевода, а «фуефуда»). Казалось бы, что эти слова устаревшие, что когда-то употреблялись в арабском языке, но в XX они вновь вернулись в арабский язык уже в обновленном значении советского стратегического ракетного комплекса «Воевода» с межконтинентальной баллистической ракетой. В СМИ в тот период появилось такое предложение: «أطلقت روسيا بنجاح صاروخ فوييفودا الباليستي» (Россия успешно запускает баллистическую ракету «Воевода») [10, с. 277].

Но не только заимствованная лексика проникла в русский язык, также произошло и с арабским. Очевидно, что относятся такие заимствованные слова: балалайка (بالالیکا), самовар (السماور) [10, с. 309]. Рассмотрим специфичный список слов, связанных между собой одним периодом заимствования, которые возникли в Советскую эпоху, в первой половине XX, когда в России происходили глобальные потрясения. Арабский мир стал свидетелем революций в некоторых своих странах, совершенных политическими партиями, которые принял коммунистические и социальные идеи бывшего Советского Союза. Политические связи между странами никогда не останавливались. Многие советские, а затем и российские политические термины являются общеприняты-

ми на международном уровне и используются в арабском мире. В язык попали следующие слова [15, с. 12]:

- ленинизм (اللينينية) – политическая идеология, которую разработал русский революционер Владимир Ленин [16, с. 798];
- совет (Советский союз, السوفياتي الاتحاد) [16, с. 800];
- большевик (بلشفيّة) – радикальная партия страны, это явно заимствованное слово, которое по своей структуре не подходит под модель арабского языка [2, с. 29];
- меньшевик (المنشفيك) – умеренная партия России [2, с. 147];
- комсомол (كومسومول) – молодёжная организация Коммунистической партии Советского Союза [9, с. 109];
- колхоз – предприятие, которое создано для коллективного ведения сельского хозяйства [4, с. 309];
- кулак (كولاك في روسيا) – советское разговорное слово, обозначающее богатого собственника, который эксплуатирует бедных [16, с. 798].

Возникает вопрос: «Как заимствованное слово становится арабским?». Здесь включаются два момента:

1) присоединение определенного артикля, то есть, как только есть артикль, слово уже воспринимается как арабское;

2) появление падежных окончаний, огласовки словоизменения, тогда уже слова считается арабизированным.

В середине двадцатого столетия появляются такие слова:

- ГУЛАГ (جولاج) – главное управление лагерей и мест заключения [16, с. 209];
- газета «Правда» – употреблялось это слово как название газеты, то есть добавляли слово «газета» (جريدة), также это слово могло употребляться в прямом значении как «правда или истина» (حقيقي) [4, с. 48];
- КГБ (KGB) – комитет государственной безопасности [16, с. 698].

Возникает вопрос: «Как попадали эти слова в арабский язык?». Здесь одно из объяснений заключается в том, что в тридцатые годы в России было создано издательство «Прогресс», которое занималось переводной литературой и примерно к семидесятым годам тираж этого издательства достигал 30 миллионов экземпляров, то есть в таких огромных масштабах переводилась русскоязычная литература для иностранных читателей, в том числе для арабских. Неудивительно, что в арабском мире очень известны такие авторы как Чингиз Айтматов, Александр Солженицын, Михаил Шолохов, Максим Горький и др. В советское время эта литература пользовалась большой популярностью [10, с. 209].

В конце XX века в 80-е годы период Михаила Горбачева в арабском мире возникли следующие слова:

- гласность и перестройка (البيروسترويكيا) – общее название реформ и новой идеологии советского руководства, которое использовалось для обозначения перемен в экономической и политической структуре страны [1, с. 28];

- Кремль (الكرملين) в качестве названия высших эшелонов власти и высших кругов [16, с. 956];

- Большой театр, где театр является арабским словом (театр – مسرح), а большой – заимствованным [9, с. 487];

- название денежных единиц: рубль (روبل) и копейка (بنس واحد) [2, с. 78].

Последняя группа слов, укрепившихся в арабском языке – это название вооружения и технологии военного оборудования, которые особенно бурно развиваются в настоящее время:

- слово «Спутник–1» (1-سيوتنيك) попало еще в 50-е годы, когда был запущен первый искусственный спутник в России [12, с. 36];

- российский ракетный комплекс стратегического назначения «Тополь-М» (توبول م), используется калька с русского языка [11, с. 509];

- автомат Калашникова (بنندقية كلاشينكوف) [8, с. 50].

Таким образом, период заимствований отличается радикально, потому они попадали в язык либо с конца XIX века, либо XX века, то есть эти заимствования по сравнению с классическими арабскими заимствованиями можно считать молодыми. Они не успели настолько хорошо еще ассимилироваться и адаптироваться к системе арабского языка, тем более что они не так часто употребляются [6, с. 14]. Их количество исчисляется ну едва ли несколькими десятками. Эти заимствования проникали в арабский язык напрямую из русского языка.

В целом, хочется отметить, что процесс заимствования способствует сближению культур. Как говорил немецкий ученый Александр фон Гумбольдт: «Язык – это душа народа» [6, с. 3]. У русского человека душа широкая, она всегда открыта для общения, дружбы, арабский человек также радушен и открыт, и, поэтому, не случайно процесс заимствования шел на протяжении многих веков и, конечно, же все это очень предсказуемо, нужно всегда помнить, что это процесс взаимный.

Список литературы:

1. Аль Хазраджи. История лингвистического заимствования / Аль Хазраджи. – Бейрут: Дар аль-Котоб аль-ильмия. – 1968. – 605 с.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь: в 2-х т. – 8-е изд., стереотип Х.К. Баранов. – Москва: Просвещение. – 1996. – 456 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1996. – 405 с.

4. Борисов В.М. Русско-арабский словарь / В.М. Борисов Москва: Советская энциклопедия. – 1967. – 709 с.
5. Бустанов А. Русский язык и ислам в Российской Федерации / А. Бустанов. – Москва: Просвещение, 2013. – 509 с.
6. Гошхетелиани И. Влияние иностранных заимствований на язык / И. Гошхетелиани. – Москва: Флинта. – 2017. – 309 с.
7. Зайнулдин Дж. Г. Словарь арабско-персидских заимствований / Дж. Г. Зайнулдин. – Бейрут: Дар аль-Котоб аль-ильмия. – 1998. – 209 с.
8. Занун Набиль Имхаммед. Проблема универсальной грамматики с несколькими языками: арабский, английский, русский языки в качестве примера // Международный журнал передовых компьютерных наук и приложения. – Москва: Просвещение, – 2007. – № 4. – С. 135–141.
9. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – Москва: Прогресс, 1999. – 709 с.
10. Крымский А.Е. История арабов и арабской литературы, советской и духовной / А.Е. Крымский. – Москва: Флинта. – 1999. – 588 с.
11. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – Москва: Флинта, 2003. – 1009 с.
12. Леонтьев А.А. Культуры и языки народов России, стран СНГ: учеб-справ. пособие / А.А. Леонтьев. – Москва: Флинта, 2004. – 422
13. Надель-Червинская М.А. Толковый словарь иностранных слов: в 3 т. / М.А. Надель-Червинская. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 1995. – 706 с.
14. Сафа Халуси. Журнал аль арабы / Д. Сафа Халуси // Арабский журнал. Белгород: Издательский дом БелГу, – 1977. – № 228. – С. 34-67.
15. Смирнов Л.Н. Словарь иностранных слов и выражений / Л.Н. Смирнов. – Москва: АСТ. – 2000. – 622 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь: в 4 т. / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1964. – 864 с.
17. Цветков Ю. Межъязыковые мосты с моделями лексического заимствования Ю. Цветков. – Москва: Флинта. – 2019. – 900 с.

4.3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ И ПОНЯТИЯ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

Мусави Самира Эльчин кызы

докторант

кафедры общего языкознания

Азербайджанского Университета Языков,

Азербайджан, г. Баку

ON THE INTERDEPENDENCE OF BACKGROUND KNOWLEDGE AND THE CONCEPT OF VERTICAL CONTEXT

Samira Musavi

Doctoral student

of the Department of General Linguistics,

Azerbaijan University of Languages,

Azerbaijan, Baku

Аннотация. Формулирование речи и в целом общение является сложным процессом, имеющим под собой такие основы, как социальные условия становления личности говорящего, его словарный состав, а также лингво-культурные элементы процесса говорения. Среди них важную роль играют фоновые знания, определение которых помогает более конкретно определить смысл коммуникации и в целом сам коммуникационный процесс.

Abstract. The formulation of speech and, in general, communication is a complex process, which has such foundations as the social conditions for the formation of the speaker's personality, his vocabulary, as well as linguistic and cultural elements of the speaking process. Among them, an important role is played by background knowledge, the definition of which helps to more specifically determine the meaning of communication and, in general, the communication process itself.

Ключевые слова: фоновые знания; вертикальный контекст; текст; интертекстуальность.

Keywords: background knowledge; vertical context; text; intertextuality.

Известно, что фоновые знания включают в себя как явные, так и неявные информационные элементы в зависимости от типа этой информации. В настоящее время под невербальной имплицитной информацией в основном понимаются имена исторических лиц, упоминания об исторических событиях, использование религиозных книжных сюжетов, священных религиозных книжных образов, а также использование литературно-исторических аллюзий, своего рода подтекстов [6, с. 102]. Именно указанный момент, т. е. формат реализации имплицитных сущностных фоновых знаний, с необходимостью определяет анализ понятия «вертикальный контекст» в ходе нашего исследования.

Как отмечает В.Н. Вишератина, оценивающая фоновые знания как средство «прочтения» вертикального контекста, поскольку фоновые знания являются элементом массовой культуры, подчиненным ее (массовой культуры) законам, они включают в себя как собственно фоновые знания, так и фоновые знания о культурном наследии, которые отложены в памяти человека. По мнению лингвиста, фоновые знания, происходят ли они из культурного наследия или определяются бытовыми обычаями, нормами жизни и стереотипами (то есть релевантными), не являются устойчивыми сами по себе, а отличаются своей изменчивостью. То есть фоновые знания, актуальные для человека, жившего в XIX веке, включают понятия, смыслы, реалии, кардинально отличающиеся от фоновых знаний XXI века [4].

В то же время на фоне изменчивости культурного наследия и современного контекста существуют и «вечные» (то есть, по сути, условно неизменные) системы ценностей, формирующиеся сокровища национально-культурного наследия, реалии исторической действительности, ассимилированные на основе национального менталитета. То есть у любого народа есть образцы устного и культурного наследия, произведения искусства и архитектуры, а также всегда актуальные для него исторические факты, фольклорные хроники (былины, легенды и др.).

Следовательно, на основе поликультурной коммуникации возможна актуализация фоновых знаний, категоризированных как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах, что, в свою очередь, позволяет реализовать конструктивный, новый контекстообразующий потенциал коррелятов вертикального контекста в процессе коммуникации. Тем не менее, «чтение» фоновых знаний может представлять

собой интересный процесс в качестве своего рода прогулки по «туннелю времени».

Следует также отметить, что хотя эти понятия тесно связаны, существуют самые разные мнения о формате их общения. Итак, как мы увидим подробнее в дальнейшем, пока одни ученые противопоставляют их, другие могут занимать позицию их отождествления. Например, по мнению ученых, введших в 1977 г. в научную терминологию понятие «вертикальный контекст» – О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенета, фоновое знание – это социокультурный фон, позволяющий адекватно воспринимать тот или иной факт речи, то есть понятие вертикального контекста имеет скорее сугубо историко-филологическую сущность [2, с. 47-49]. В целом лингвисты выступали с позиции противопоставления этих двух понятий. Однако, если исходить из того факта, что никакой социокультурный контекст не может существовать вне историко-филологических условий, то можно с полной уверенностью утверждать, что понятия фонового знания и вертикального контекста органически связаны. Актуальные социокультурные фоновые знания любого общества не могут формироваться вне мифологии, литературного наследия, фольклорных образцов этого народа. Поскольку перечисленные компоненты отражают факторы, «замешивающие» ядро национального менталитета, то даже современное (актуальное) фоновое знание имеет механизмы кодирования и культурно-кодовый инвентарь, детерминированный историко-филологическим контекстом.

Однако следует также отметить, что некоторые исследователи противопоставляют понятия фонового знания и вертикального контекста и выступают сторонниками проведения между ними определенного барьера. Конкретно, если лингвисты, занимающие такую позицию, включают внешнюю информационную базу фоновых знаний, принадлежащую автору и читателю, то существуют подходы, исходящие из позиции вертикального контекста, т. е. принадлежности к конкретному данному тексту, который в Здесь, как и в языково-речевом обособлении, все имеет свою определенную оппозицию, но не показывает конкретного подхода. Как отмечал А.М. Бабаев: «Ф. де Соссюр первым отделил речь от языка. Он показал различия между языком и речью, а иногда и выделял их. Ф. де Соссюр был прав в различении языка и речи, однако он был неправ в их обособлении» [1, с. 150-151].

В то время как фоновое знание содержит существенную лингвистическую и культурную информацию, характерную для коллектива, и включает в себя общую базу данных для индивидов, которые являются частью этого языкового коллектива, «вертикальный контекст», который находит выражение в пределах определенного литературного тек-

ста, воплощает в себе реализацию этого общего фона в общей базе данных в рамках заданного текста. То есть пока одно является основой другого, другое создается как формат реализации первого, «повторяющего» встречу общего и индивидуального в языково-речевой дихотомии, обособление которого нельзя признать правильным. Следует отметить, что О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет, выступающие с противоположных позиций, используют фоновые знания национально-культурного, материально-исторического, географического, прагматического характера, характеризуя их, как базу данных социального характера [2, с. 47].

В таком случае человек, являющийся индивидом этого общества, может создать в своем художественном тексте семиозис с читателем базы данных (т.е. понятое читателем, может апеллировать к его парадигме познания). То есть то, что общеизвестное вытекает из общего основания, то в конечном счете выводит взаимную обусловленность, напоминающую языково-речевую связь. Писатель (оставляя в стороне идеологическую доктрину формата «искусство для искусства», имеющую определенных последователей) пишет для общества и, чтобы быть понятым обществом, читательской аудиторией, он (писатель) должен установить семиотический фон семиозиса, ссылаясь на одни и те же культурные коды и одни и те же семиотические условия, это важно и даже имеет решающее значение. Насколько художественный текст является самодостаточной «закрытой системой», настолько, перефразируя мнение Ю. Лотмана, он открыт для контакта и взаимодействия с другими системами [5, с. 71].

В противном случае текстовая интерпретация не может быть реализована. И этот конечный результат может означать невозможность «новой жизни» текста, читательской интерпретации, основанной на «смерти автора» (Р. Барт) и «рождении» читателя, принципиально невозможного в реальности. Ведь любой художественный текст создается не изолированно, в информационном вакууме, а в определенном контексте, в связи с другими текстами. А именно, поскольку язык реализуется в отдельных речевых актах, всякое обособление и дефинитивное сопоставление не будут считаться верными, поэтому не столь логично проводить дефинитивную преграду между фоновыми знаниями, рассматриваемыми как основа, и их реализацией в конкретных художественных текстах. В этом смысле нельзя не согласиться с подходом А.Н. Крюкова, исследовавшего механизмы взаимной обусловленности фоновых знаний и речевого общения. Лингвист, на наш взгляд, совершенно справедливо ошибочно считает вертикальный контекст и фоновые знания разграничивающими, а то и противопоставленными, и напоминает, что вертикальный контекст не ограничивается той информаци-

онной базой, которую предлагают художественные тексты, но включает в себя и реальную исторические факты, исторические личности и исторические процессы [7, с. 25].

Выводы. Исходя из того, что прецедентный текст может быть включен в фоновую базу знаний, можно сказать, что «Библия», «Коран», «Китаби-Деда Горгуд» и другие факты аллюзий и реминисценций к текстам, определяющим ментальный код таких народов, могут быть оценены как фоновые знания, так и вертикальные контекстные связи.

Список литературы:

1. Аксютин Д.Э. Особенности вертикального контекста художественного телефильма: исторический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 9 (27): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 22-30.
2. Ахманова О. С, Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – 47-54 с.
3. Babayev A.M. Dilçiliyü giriş, Bakı: Mütərcim, 2017. – 560 s.
4. Вишератина В.Н. Фоновые знания как способ прочтения вертикального контекста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/7_visheratina.doc.htm (дата обращения: 05.06.23).
5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство – СПб., 2002. – 768 с.
6. Николина Н.Н. Роль фоновых знаний в условиях межкультурной коммуникации // Лингвокультурология. – 2017. – № 11. – С. 99–107.
7. Сорокин Ю.А. Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

4.4. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОСЛОВИЦ

Байрамова Ульвия Юсиф кызы

*д-р филос. наук по филологии,
кафедра лексики и страноведения,
Гянджинский Государственный Университет,
Азербайджан, г. Гянджа*

Среди привлеченных к сопоставительному анализу английских и азербайджанских пословиц есть и такие параллели, которые соответствуют друг другу и по логической, и по предметно-образной структуре одновременно, т.е. в них говорится об одинаковых или сходных вещах и моделируются аналогичные отношения между этими вещами, например:

A clean fast is better than a dirty breakfast
Düzlüklə pəhriz saxlamaq əyürlüklə nahar eləməkdən yaxşıdır ≅ Ac ol
düz ol; Bez geyərəm, düz geyərəm
Adversity makes a man wise
≅ Dar gün adama ağıl öyrədir
Better loose a jest than a friend
(lat. etim potius amicum? Quam dictum perdere)
≅ Dostluğun qayçısı zarafatdır // ərəb. əz zərafətü miqraz-ül eşq
Dostunu itirincə, zarafatını boğsan ondan daha yaxşıdır
A friend is easier lost than found
≅ Dostu itirmək asan, tapmaq çətindir
Between friends all is common // Friends have all things is cammon
≅ Dost dosta tən gərək, tən olmasa gen gərək
A friend is never known till a man has need
≅ Dara düşməyincə, dostu tanımaq olmaz
A broken friendship may be soldered, but will never be sound
≅ Müq.ət: Pozulmuş dostluğu bərpa etmək olar, lakin o heç vaxt
əvvəlki kimi möhkəm ola bilməz.
A friend to everybody is a friend to nobody

≅ Hamıya dost olan heç kimin dostu olmaz

Better an open enemy than a false friend.

≅ Qəlp dostdan açıq düşmən yaxşıdır.

The best of friends must part

≅ Ən yaxşı dostların da axırı ayrılmaqdır

All are not saint that go to church

≅ Hər əlifba oxuyan qareyi-Quran olmaz

All are not thieves that dogs bark at

≅ Hər yağan qar olmaz

Jeerers must be content to taste of their own broth

≅ Hər kəs gülsə özgəyə, əvvəl baxsın güzgüyə

No garden without its weeds

≅ Meşə çaqqalsız olmaz

Параллелей такого рода много. Но есть и более сложные виды смысловых соответствий, связанных с теми или иными особенностями употребления пословицы. Так, английская пословица «Much will have more», которая употребляется в смысле «Где много, там будет еще больше», соответствует азербайджанской «Dolu dəyaya yağar», употребляемой в том же смысле, хотя сами эти пословицы внешне совсем не похожи.

Из числа прочих смысловых соответствий между английскими и азербайджанскими пословичными изречениями можно назвать соответствия по характеру мотивировки общего значения клише, по их замкнутости или незамкнутости, а также объему заключенного в них суждения. Так, английским пословицам и поговоркам, т.е. изречениям с образной мотивировкой общего значения, понимаемым в переносном смысле и требующим обязательного расширительного толкования, как правило, соответствуют азербайджанские тексты, обладающие теми же свойствами, например:

He that is down need fear no fall

≅ İslanmışın yağışdan nə qorxusu

Cat and dog life

≅ İtlə pişik kimi dolanmaq

Catch the bear, before you sell its (his) skin.

≅ Ayını ovlamamış onun dərisini bölüşdürməzlər

He that is born to be hanged will never be drawnd

Qismət nədirsə, o da olacaq / Qismətdən artıq yemək olmaz.

≅ Alına nə yazılıbsa, onu da görəcəksən и т.д.

Cheapest is the dearest cheap and nasty

≅ Ucuz ətin şorbası olmaz.

А английским пословичным изречениям с прямой мотивировкой общего значения, понимаемым почти «впрямую», хотя и допускаю-

щим расширительное толкование, обычно соответствуют азербайджанские клише такого же типа, например:

Better to do well than to say well

≅ Sözü yaxşı olunca, əməlin yaxşı olsa yaxşıdır.

He who laughs at crooked men should need walk very straight

≅ Özgəyə əyri deyənin özü düz gərək

Je herers must be content to taste of their own broth

≅ Hər kəs gülsə özgəyə, əvvəl baxsın güzgüyə.

Все эти изречения означают, что тот, кто высмеивает или критикует недостатки других, сам должен быть безупречным.

Как видно из приведенных примеров, замкнутым английским клише, т.е. пословицам, в большинстве случаев соответствуют замкнутые азербайджанские изречения, а незамкнутым, т.е. поговоркам – незамкнутые. Но здесь встречаются исключения. Сравним следующие английские пословичные изречения с азербайджанскими: «Fools should not have chapping sticks» (дословно: «Дуракам нельзя давать острые инструменты», потому что учинят вред либо самому, либо другим). Ср.: «Dəliyə kəndir verərsən, gedər özünü asar» или же «Fools rush in where angels fear to tread» (дословно: «Дураки лезут (даже) туда, куда ангелы не осмеливаются ступить ногой»). Ср.: «Dəli qanıb-qandırılmaz» или же «Dəliyə zabitə yoxdur»; «Dəliyə divan yoxdur».

Следует отметить, что сам факт смыслового совпадения пословиц, с одной стороны, и поговорок – с другой, лишней раз свидетельствует о близости этих паремиологических форм, т.е. пословиц и поговорок. И не случайно, что у многих народов они даже не различаются по названиям [8, с. 109, 141].

Английские и азербайджанские параллели, как правило, совпадают по объему своих значений, т.е. по степени их обобщенности. Например:

Cleanliness is next to godliness

≅ Sağlam bədəndə sağlam ruh olar

Crow will not pick out crows

≅ Qarğa qarğanın gözünü çıxarmaz

To deceive a deceiver is no deceit (Comp.The deceiver is deceived.

There is no honour among thieves

≅ Oğrudan oğruya oğurluq sayılmaz // Oğrudan oğruya halaldır

Claw me and shall claw thee

≅ Əl əli yuyar, əl də üzü

One good turn deserves another

≅ Xətir xətirə bağlıdır

One hand washes another

≅ Əl əli yuyar, əl də üzü

(You) roll my log and I'll roll yours
≅ Xidmət et mənə, xidmət edim sənə
Yan mənə, yanım sənə, Qurbanlı canım sənə
Scratch my back and I'll cratch yours
≅ Əl tutanın əlindən tutarlar и т.д.

Все эти пословичные изречения на обоих языках являются одной обобщенной идеей – «услуга должна быть взаимной или же оплачена».

Можно назвать несколько других признаков, совпадение по которым создает ту или иную смысловую близость пословичных параллелей на азербайджанском и английском языках. Но вышеприведенных примеров достаточно, как нам кажется, для того, чтобы убедиться в их многообразии. И тут необходимо отметить, что само это разнообразие представляет определенный теоретический интерес, так как позволяет в какой-то мере разобраться в смысловой структуре как английских, так и азербайджанских пословиц. В самом деле, «раз совпадение по тем или иным признакам формирования изречений приводит изречения к какой-то смысловой близости, значит, сами эти признаки служат компонентом смысловой структуры» [93, 141-142]. Поэтому «резонно предположить, что названные признаки (пусть не только они), взятые в своей совокупности, и образуют смысловую структуру пословиц. И не случайно, что чем больше описанных признаков совпадает у двух пословичных изречений, тем эти два изречения ближе друг к другу по смыслу. Правда, необходимо особенно подчеркнуть, что разные конструктивные признаки далеко не одинаковы по своему значению: одни более важные для смысла пословичного изречения, другие менее. Так, совпадение по логической и предметно-образной структурам наиболее существенны для совпадения основного смысла сопоставляемых пословиц. При этом в собственно пословицах на первый план выходит логическая структура, менее значимой оказывается предметно-образная структура, так как логическая структура может быть выражена посредством различных образов, которые не являются основными определяющими в семантике пословичного изречения» [8, с. 93, 142]. А совпадение по всей сумме смысловых признаков дает почти полное соответствие пословичных изречений, точнее национальные варианты одних и тех же, общих для данных народов, т.е. для англичан и азербайджанцев пословиц и поговорок вроде следующих:

There is no rose without a thorn
≅ Gül tikansız olmaz

The darkest hour is nearest the dawn // The darkest hour is that before the dawn

Müq.ət: Hər qaranlıq gecənin aydın səhəri də olur
There is time for all things
≅ Hər şeyin öz vaxtı var

The devil is good (или kind) to his own // The devil looks after his own, yaxud the devil takes care of his own

≅ İt itin ayağını basmaz

The devil sometimes speaks the truth

Do unto others as you would they should do unto you // What you do not wish others to do to you, do not other men / Will do unto others as / Would they should do unto me // do unto of hers as you would have of hers do unto you.

Özünə rəva bilmədiyini özgəsinə rəva görmə

Things past cannot be recalled

≅ Ötən/keçən geri qayıtmaz; Keçən günə gün çatmaz, calasan günü günə; Keçənə güzəşt deyərlər

There is a remedy for all things but death

≅ Ölümdən başqa hər dərdin çarəsi var

Hər dərdin çarəsi var, ölümdən savayı!

The dog returns to his vomit

İt öz qusuntusuna qayıdar

≅ Öyrənmiş kəslərə tövbə olmaz // olmur.

Dadanandan quduran yaxşıdır

Müq. et: Toyuğa dedilər: Hər gününə bir kəviz darı verək, bağı-bağcamı eşələmə. Dedi: – Tökülmüşlərimə (yəni ayaqlarıma) tövbə olmaz / yoxdur.

Home is where heart is

≅ Yarım harda, yurdum da orda

Don't foul the well, you may need its waters

He that mischief hatches, mischief catches

Suyunu içdiyin quyuya tüpürməzlər // Yediğin qaba tüpürmə, o qab bir də lazım olar.

≅ Pislük edənin qabağına pislük çıxar ≅ Şərarət əkən peşmançılıq biçər

Don't look a gift horse in the mouth // Look not a gift (given) horse in the mouth // Neverlook a gift horse in the mouth

≅ Bəy verən atın dişinə baxmazlar.

Как известно, каждый знак в той или иной мере независим от своего десигната. Поэтому он может означать не одну какую-либо вещь, а две, три и более, и, напротив, – два, три и более знаков могут означать одну и ту же вещь. Следовательно, отсутствие неразрывной связи между означающим и означаемым служит принципиальной основой омонимии и синонимии – явлений, свойственных всякой совокупности знаков. Подробно другим языковым знаком, паремии тоже обладают свойствами анонимии и синонимии.

Так, совершенно разные по своему составу и даже по синтаксической и паремиологической структуре изречения часто могут иметь один и тот же смысл. Ср. русскую народную поговорку: «Хвост выта-

щит – нос увязнит, нос вытащит – хвост увязнет». Обе они означают одну и ту же типовую ситуацию. В таком же отношении между собой находятся и русские пословицы: «Черного кобеля не отмоешь добела» и «Сколько волка ни корми, он все в лес глядит» [8, с. 94, 135].

Возможна и омонимия паремии и сходного с ней свободного сочетания слов. Ср.: поговорку «Сел не в свои сани» (о человеке, который занял неподобающее ему место) и сходное сочетание слов в рассказе о человеке, который по ошибке сел в сани своего соседа.

Известна межуровневая омонимия – букввальное совпадение паремии с сочетанием слов фразеологического уровня языка. Ср.: народное правило «Не бей лежачего» и фразеологический оборот в предложении: «А у него работа – не бей лежачего!».

Бытует межтиповая омонимия (буквальное совпадение изречений разных паремиологических типов), например, поговорки и приметы, пословицы и клише и т.п. Ср., например, народное юридическое правило «Не пойман – не вор» и аналогичную по форме пословицу.

Внутри типовая омонимия, букввальное совпадение разных по значению изречений одного и того же паремиологического типа. Так, русская пословица «Гречневая каша сама себя хвалит» употребляется в двух различных смыслах: а) «Эта вещь настолько хороша, что не нуждается в похвале» – и б) «Этот человек – самохвал: подобно гречневой каше, сам себя хвалит».

Случаи паремиологической омонимии указанных видов встречаются не только в русском паремиологическом фонде, но и в соответствующем фонде всех языков.

Проще обстоит дело с паремиями – синонимиями. Если два или несколько изречений выражают одни и те же логические отношения и относятся к одним и тем же сущностям, совпадая по своей прагматической функции, значит, перед нами изречения-синонимы. Так, например, русские пословицы «Игра не стоит свеч» и «Овчинка не стоит выделки»; «На безрыбье и рак рыба» и «На безлюдье и Фома дворянин» являются типичными синонимиями.

Вариантами же паремии являются формы, в которых варьируются элементы низших уровней, изменение которых, однако, не приводит к изменению смысла. Например: «Неча (нечего) на зеркало пенять, коли (если) рожа крива (коса)»; «Каков привет, таков и ответ» и «По привету – ответ».

Следовательно, подобно другим языковым знакам, паремии обладают свойствами омонимии и синонимии. И при фиксации и анализе паремиологических форм это обстоятельство следует учесть.

Чтобы избежать омонимии, мало привести то или иное изречение, нужно указать его паремиологический тип, без чего будет затруднено правильное понимание его смысла.

В случае синонимии их можно оставить без пояснения, так как изречения моделируют обозначаемые ими ситуации. Но в тех случаях, когда мотивировка общего значения отсутствует, тут уже пояснения нужны.

Резюме

Пословицами и поговорками принято называть краткие устойчивые народные изречения, обобщающие социально-исторический опыт народа и вошедшие в разговорную речь. Пословицы и поговорки – это суждения, заключающие в себе законченную мысль. Они возникают из наблюдений, из того, что уже проверено и подтверждено жизнью.

Пословицы и поговорки служат не только для украшения речи, но и для выражения ряда суждений и представлений, которые другим способом выразить или неудобно, или же трудно. Пословичные изречения используются для обозначения типовых жизненных ситуаций, которые описывать обычными словами – занятие крайне неблагоприятное, да и нелегкое. Более того, многие народные изречения настолько привычны для носителей данного языка, что они употребляют их иногда в неполном, т.е. усеченном виде или просто намекают на них.

Список литературы:

1. Алан Дандис. О структуре пословицы. – «Паремиологический сборник», Москва, 1978. 244 с.
2. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда. Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 247-274.
3. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Наука, 1968. 376 с.
4. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Наука, 1979. 669 (3) с.
5. Пермяков Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений. Паремеиологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, тематика). М., 1978. С.105-135.
6. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 235с.
7. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку: Маариф, 1966. 250 с.
8. Таирбеков Б. Межъязыковая транспозиция пословиц и поговорок. – Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1965.
9. Тофик Абаскулиев. Английские пословицы и их азербайджанские и русские эквиваленты. Баку, 1981.

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам LXX международной
научно-практической конференции*

№ 5 (70)
Июнь 2023 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 12.06.23. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru